
МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ КОНЦѢ 70-хъ и НАЧАЛѢ 80-хъ ГОДОВЪ

ПРОШЛАГО ВѢКА

(Личныя воспоминанія.)

I.

Писать своихъ мемуаровъ я никогда не собирался. Какъ историкъ, я знаю слабую цѣну этого источника. Если въ наше время приходится перерабатывать прежнія повѣствованія о цѣлыхъ періодахъ въ жизни новыхъ народовъ, то главнымъ образомъ потому, что эти повѣствованія, какъ основанныя по преимуществу на мемуарахъ, оказывались нерѣдко далекими отъ истины и во всякомъ случаѣ дающими нѣсколько иную оцѣнку событій, чѣмъ та, какая получается изслѣдователемъ на основаніи данныхъ, восходящихъ къ самой эпохѣ совершенія этихъ событій. Это не значитъ, чтобы авторы мемуаровъ движимы были сознательнымъ желаніемъ представить въ невѣрномъ свѣтѣ все или часть ими изображаемаго. Это объясняется иной причиною, а именно тѣмъ, что мемуары пишутся на значительномъ разстояніи отъ того времени, котораго они касаются, и что авторы ихъ невольно подчиняются вліянію окружающей ихъ обстановки и создаваемаго ею настроенія—а оно, очевидно, не всегда сходно съ тѣмъ, какое было пережито ими въ то время, когда развертывались самыя событія. Однажды на мой вопросъ Алексѣю Теофилактовичу Писемскому, почему онъ не

пишетъ своихъ воспоминавій, я получилъ слѣдующій отвѣтъ: „пробоваль не разъ, но со второй страницы уже чувствовалъ, что говорю не то, что было; чувствую, а удержаться не могу“. Въ этихъ словахъ конкретно передается въ сущности та же мысль. Авторъ желалъ бы вернуться къ тому настроенію, какое онъ пережилъ въ моментъ, имъ изображенный, желалъ бы — и не можетъ; почему и получается въ концѣ концовъ неправильное освѣщеніе.

Сомнѣваясь въ значеніи мемуаровъ, какъ историческаго источника, и далекій отъ мысли обогащать изящную словесность чѣмъ-либо подобнымъ „Дѣтству и Огрочеству“ Толстого, я ставлю себѣ иную задачу: мнѣ хочется въ 1910-мъ году представить читателю, какъ рисуется въ моемъ воображеніи умственная жизнь Москвы и ея университета въ то десятилѣтіе съ 1877 по 1887-й годъ, когда мнѣ самому приходилось стоять довольно близко и къ преподаванію, и къ различнымъ литературнымъ кружкамъ Первопрестольной.

Знакомство мое съ Москвой началось съ экзамена на званіе магистра. Послѣ четырехгодичнаго ученичества въ Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ и отпечатанія первыхъ научныхъ работъ, я счелъ возможнымъ посвятить себя профессорской дѣятельности. Пришлось начать, какъ и всѣмъ, съ подготовки къ экзамену. Требованія, поставленныя мнѣ факультетомъ, были далеко не чрезмѣрны. Четырехъ недѣль хватило, чтобы воскресить въ памяти ранѣе читанное. Въ эти четыре недѣли, живя въ скромномъ номерѣ гостиницы, я постепенно завязывалъ сношенія съ людьми, съ которыми впослѣдствіи открылась возможность дѣйствовать заодно и въ университетѣ, и внѣ его стѣнъ. Кружокъ молодыхъ профессоровъ часто собирался въ это время у Янжула, Чупрова, Муромцева и Стороженко. Двухъ изъ названныхъ лицъ я зналъ еще за границей. Мои занятія англійскими учрежденіями и ихъ исторіей сблизили меня съ ними. И Янжулъ, и Стороженко приняли меня, какъ стараго пріятеля. Чрезъ нихъ я познакомился и съ Чупровымъ, дружба съ которымъ продолжалась до его кончины, и съ Муромцевымъ; добрыя отношенія съ нимъ длятся и по настоящій день. Что пріятно поразило меня при встрѣчѣ и болѣе тѣснымъ знакомствѣ со всѣми названными лицами — это ихъ готовность послужить своимъ знаніемъ и своей энергіей не отвлеченной наукѣ, а запросамъ жизни. Они стояли въ самомъ центрѣ того умственнаго и общественнаго движенія, которое ставило себѣ задачей сближеніе съ народомъ, тѣсное знакомство съ его бытомъ, сильное удовлетвореніе его нуждъ и.

одновременно воспитаніе, руководящихъ круговъ въ сознаніи ихъ долга передъ крестьянской и рабочей средой. Чтобы не быть голословнымъ, напомню, что Чупровымъ въ значительной степени создана въ Россіи земская статистика, что Янжуль былъ однимъ изъ первыхъ писателей, обратившихъ вниманіе на необходимость отмены нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ налога на соль, что имъ начато серьезное изученіе фабричнаго законодательства на Западѣ и подготовка первыхъ нашихъ законовъ, клонящихся къ защитѣ женскаго и дѣтскаго труда, что фабричная инспекція, введенная въ министерство Бунге, въ значительной степени была вызвана къ жизни его литературной агитаціей и что наиболѣе яркія страницы изъ его собственной біографіи связаны съ образцовымъ выполненіемъ имъ обязанностей московскаго фабричнаго инспектора. Муромцевъ, по самому характеру своей спеціальности — римскому праву, — стоялъ, повидимому, нѣсколько дальше отъ вопросовъ русской дѣйствительности; но, принадлежа къ послѣдователямъ исторической школы правовѣдѣнія, являясь, въ частности, ученикомъ автора „Духа римскаго права“, Іеринга, онъ рано проникся той мыслью, что ученый юристъ призванъ содѣйствовать развитію правосознанія въ обществѣ, что это правосознаніе должно вырасти на почвѣ научнаго изученія какъ дѣйствующаго законодательства, такъ и народнаго обычая, что юридическія общества могутъ немало сдѣлать въ этихъ обоихъ направленіяхъ, особенно если при нихъ существуетъ постоянный органъ, научно освѣщающій текущіе вопросы юридическаго творчества въ его тѣсномъ общеніи съ жизнью. Муромцеву Москва обязана оживленіемъ упавшаго интереса и къ „Юридическому Вѣстнику“, и къ тому обществу, котораго онъ былъ отраженіемъ. Общественныя науки, экономика и статистика, впервые введены были въ число тѣхъ, которыми стали интересоваться и которыя начали разрабатывать собранія ученыхъ теоретиковъ и судебныхъ практиковъ, происходившія обыкновенно разъ въ недѣлю въ университетѣ для чтенія сообщеній и совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, возбуждаемыхъ докладчиками. Занятіе экономическими науками въ скоромъ времени настолько разрослось, что, по инициативѣ Чупрова, открыто было въ юридическомъ обществѣ особое отдѣленіе, посвященное изученію вопросовъ общественнаго блага; наиболѣе выдающіеся доклады печатались затѣмъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ и немало содѣйствовали научной постановкѣ у насъ статистической работы. Что касается до Стороженко, то это былъ не только историкъ литературы,

но и историкъ культуры. Онъ понималъ то значеніе, какое имѣетъ при толкованіи памятниковъ письменности и художественнаго творчества освѣщеніе ихъ разностороннимъ изученіемъ той среды, въ которой они появились. Охватывая въ своихъ курсахъ цѣлые періоды міровой литературы, Стороженко вводилъ слушателей и въ эпоху итальянскаго ренессанса, и въ Елизаветинскую Англію, и въ вѣкъ короля-Солнца, съ характеризующей его псевдоклассической трагедіей и реалистическимъ изображеніемъ въ комедіяхъ Мольера жизни разнообразнѣйшихъ классовъ французскаго общества. Вѣкъ Мильтона и вѣкъ Вольтера одинаково хорошо были извѣстны человѣку, счумѣвшему въ то же время настолько специализироваться на изученіи прямыхъ предшественниковъ Шекспира, что когда англичанамъ понадобилось снабдить научнымъ комментариемъ новое полное собраніе сочиненій драматурга Грина, они остановились на мысли о переводѣ диссертации русскаго профессора.

Поименованныя мною лица принадлежали къ числу самыхъ близкихъ моихъ пріятелей въ теченіе десятилѣтія, проведеннаго мною въ Москвѣ. Но списокъ ихъ надо восполнить еще однимъ ученымъ, специальность котораго, какъ можно было думать, удалить его отъ жизни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она только позволяла ему изучать эту жизнь подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Я имѣю въ виду санскритолога Всеволода Ѳедоровича Миллера. Занятіе сравнительнымъ языковѣдѣніемъ открыло для него возможность изученія и русскаго фольклора, и языковъ тѣхъ народностей нашего Кавказа, которыя, какъ напр. осетины, принадлежатъ къ одной съ иранцами и индусами семьѣ арійскихъ племенъ. Понимая весьма широко задачи ученаго филолога и тѣсную связь этихъ задачъ съ тѣми, какія ставитъ себѣ историкъ культуры, историкъ вѣрованій, нравственности и права, В. Ѳ. Миллеръ остановился на мысли о пользѣ изданія особаго органа научной критики, посвящающаго себя разбору столько же сочиненій по обществовѣдѣнію, сколько по исторіи или филологіи. Осуществленіемъ этой мысли явилось „Критическое Обзорѣніе“, полтора года выходившее подъ нашей общей редакціей и при сотрудничествѣ по преимуществу профессоровъ московскаго университета какъ по юридическому, такъ и по историко-филологическому факультету. Участіе въ немъ такихъ людей, какъ Буславѣвъ, С. М. Соловьевъ, Троицкій, Коршъ, Карѣевъ, Лучицкій—причина тому, что „Критическое Обзорѣніе“ и по настоящій день не потеряло своей цѣны. Кто, напримѣръ, изъ лицъ, интересующихся исторіей русскаго искусства, не прочтетъ съ удоволь-

ствіемъ статьи Буслаева, посвященной научной критикѣ книги Біоле-Ледюкъ о русскомъ искусствѣ? В. Θ. Миллеру я обязанъ не только многими указаніями, позволившими мнѣ расширить кругъ моихъ чтеній по вопросамъ первобытной культуры и первобытнаго права, но и первымъ моимъ знакомствомъ съ бытомъ кавказскихъ горцевъ. Въ его обществѣ предприняты были мною поѣздки къ осетинамъ, кабардинцамъ и горскимъ татарамъ. Онѣ дали мнѣ возможность собрать тотъ этнографическій матеріалъ, на основаніи котораго написана моя книга „Современный обычай и древній законъ“. Переведенная на французскій языкъ, она сочувственно была встрѣчена не только сравнительными историками права, но и эллинистами, посвящающими себя изученію семейныхъ и общественныхъ порядковъ Гомерической Греціи и ранняго быта Спарты и Аѳинъ; настолько сходны во многомъ эти два быта—древне-греческій и осетинскій.

Въ профессорахъ московскаго юридическаго факультета я встрѣтилъ полную готовность привлечь меня къ преподавательской дѣятельности. Предложеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было мнѣ проф. Мильгаузеномъ немедленно вслѣдъ за моимъ экзаменомъ. Въ 1877-мъ году я приступилъ къ чтенію курса по сравнительной исторіи права и посвятилъ его изученію съ моими слушателями исторіи развитія семьи и собственности. Одновременно я сдѣлался однимъ изъ трехъ редакторовъ „Юридическаго Вѣстника“, сперва въ сообществѣ съ Лешковымъ, а затѣмъ съ С. А. Муромцевымъ. Къ послѣднему вскорѣ перешло дѣйствительное руководство этимъ изданіемъ, что и дало мнѣ возможность выйти изъ редакціи и посвятить себя всецѣло „Критическому Обозрѣнію“.

Первые мѣсяцы, проведенные мною въ Москвѣ, совпали съ оживленною дѣятельностью славянофильскихъ кружковъ, вызванной поддержкою сербскихъ добровольцевъ, а затѣмъ войною съ Турціей, изъ-за освобожденія Болгаріи. Въ домѣ А. И. Кошелева мнѣ пришлось встрѣтиться и съ генераломъ Черняевымъ, и съ И. С. Аксаковымъ, и съ нѣкоторыми членами семьи Самарина. Юрія Ѳедоровича, къ сожалѣнію, уже не было въ живыхъ. Черкасскій уѣхалъ въ Болгарію и вскорѣ умеръ. Общественное настроеніе было приподнятымъ. Интересъ къ южнымъ славянамъ значительно возросъ послѣ того, какъ пришло извѣстіе о гибели одного изъ первыхъ добровольцевъ—Кирѣева, брата извѣстной О. А. Новиковой, съ которой познакомилъ меня еще въ Лондонѣ молодой русскій философъ В. С. Соловьевъ. Весьма популярная уже въ это время среди лондонскаго высшаго общества, считавшая

въ числѣ своихъ друзей и частыхъ посѣтителей и историка крымской кампаніи—Кинглека, и многихъ членовъ англійскаго духовенства, сочувственно относившихся къ сближенію съ православіемъ, Ольга Алексѣевна направила свою дальнѣйшую дѣятельность на ознакомленіе англичанъ съ дѣйствительнымъ характеромъ русскаго славянофильства. Она въ значительной мѣрѣ разсѣяла предубѣжденіе, будто подъ славянофильствомъ скрывается желаніе Россіи объединить подъ своей державой всѣ родственные ей по крови и языку народы. Такіе выдающіеся дѣятели, какъ Гладстонъ, перестали видѣть въ славянофильствѣ нѣчто тождественное съ панславизмомъ, а въ нашемъ вмѣшательствѣ въ распрю болгаръ съ Турціей—одно желаніе овладѣть Константинополемъ. Гладстонъ открыто выступилъ сторонникомъ поддержки англійской дипломатіей заступничества Россіи за угнетенныхъ братьевъ-славянъ. Онъ осудилъ въ печати жестокости, содѣяныя турками въ Болгаріи, и впервые для англичанина указалъ ошибочность той политики, которая добровольно закрывала глаза на фанатизмъ и насилія Высокой Порты. Съ цѣлью завоевать общественное мнѣніе въ пользу угнетенныхъ и уже поднявшихся славянъ Сербіи и Болгаріи устроенъ былъ въ Лондонѣ обширный митингъ, на которомъ мнѣ пришлось слышать и Гладстона, и историка Фримана, открыто осуждавшихъ поведеніе англійскаго кабинета и его главы, Дизраэли, за ихъ безнравственное равнодушіе къ турецкой расправѣ съ возставшими. Для участія въ этомъ митингѣ прибыли и делегаты отъ болгаръ, Цанковъ и Балабановъ. При незнакомствѣ ихъ съ англійскимъ языкомъ, они не прочь были пользоваться услугами тѣхъ изъ русскихъ, кто, подобно мнѣ, могли служить имъ переводчиками. Изъ бесѣдъ съ ними я впервые познакомился съ той обстановкой, въ какой совершились удачныя попытки балканскихъ славянъ освободить себя отъ турецкаго ига. Я въ состояніи былъ оцѣнить значительность тѣхъ услугъ, какія оказаны были этому дѣлу и дѣятельностью генерала Черняева, и агитаціей въ пользу сербовъ и болгаръ славянскаго благотворительнаго общества, одинаково въ Петербургѣ и Москвѣ. Поэтому, когда послѣдовала ссылка И. С. Аксакова въ деревню, я былъ изъ числа негодующихъ. Заставъ въ Москвѣ значительный подъемъ общественнаго настроенія, сказывавшійся и въ успѣшномъ сборѣ пожертвованій въ пользу добровольцевъ по церквамъ, и въ воинственномъ настроеніи съ трудомъ сдерживаемой цензурою печати, я впрочемъ не поддался общему теченію, хотя оно и связывало, искусственно, на мой взглядъ, съ славянскимъ освобожденіемъ на-

ступленіе конституціонной свободы и для нашего отечества. Дважды мнѣ пришлось даже вызвать недовольство славянофильскихъ круговъ: однажды—критикой, въ статьѣ, напечатанной въ „Вѣстникъ Европы“, изданныхъ кн. Черкасскимъ матеріаловъ для изученія Болгаріи, а другой разъ — разборомъ выработаннаго сенаторомъ Лукьяновымъ проекта болгарской конституціи. „Матеріалы для изученія Болгаріи“ отразили на себѣ ложное пониманіе русскими устроителями болгарскихъ судебъ характера магометанскаго права. Составители „Матеріаловъ“ воспроизвели старую небылицу о томъ, что Коранъ и Сунны не допускаютъ существованія никакого вида частной собственности на землю и отдаютъ ее въ руки главы правовѣрныхъ—калифа или султана. Русскій проектъ болгарской конституціи въ свою очередь вызвалъ мое неодобреніе желаніемъ всячески ограничить и функціи представительнаго собранія, и участіе народа въ выборѣ депутатовъ; треть ихъ, согласно проекту, должна была назначаться княземъ. Я отмѣтилъ это сознательное искаженіе представительныхъ порядковъ, а болгарскіе политическіе дѣятели воспользовались моей критикой для того, чтобы при обсужденіи русскаго проекта выбросить изъ него отмѣченныя мною статьи.

Въ критикѣ работъ, изданныхъ подъ руководствомъ князя Черкаскаго, московскіе славянофилы увидѣли походъ противъ одного изъ своихъ выдающихся вождей, чего, разумѣется, не было въ дѣйствительности; а за разборъ русскаго проекта болгарской конституціи редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Катковъ прочелъ мнѣ, не называя меня впрочемъ по имени, такую отповѣдь, которая сразу должна была вызвать внимательное отношеніе ко мнѣ „недреманнаго ока“. Оно еще усилилось съ момента открытаго осужденія мною перваго, быть можетъ, выступленія черной сотни противъ учащейся молодежи, въ памятномъ избіеніи московскихъ студентовъ охотнорядцами. Съ этого времени я попалъ на дурной счетъ. Послѣдствія этого сказались, впрочемъ, не сразу, а нѣсколько времени спустя, когда ректоръ университета Тихонравовъ былъ вызванъ министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Толстымъ, въ Петербургъ для дачи показаній о томъ, насколько вѣренъ полученный министерствомъ доносъ, будто преподаватель Ковалевскій на своихъ лекціяхъ заявлялъ о невозможности въ Россіи другого строя, кромѣ республиканскаго. Такъ какъ лекціи мои были посвящены сравнительной исторіи права, и притомъ въ ранніе періоды его развитія, то мнѣ не было и основаній высказывать моихъ взглядовъ по вопросу о томъ, какой государственный порядокъ всего болѣе при-

личествуетъ Россіи. Тихонравовъ поручился за меня, что ничего подобнаго мною сказано не было, и министерство оставило меня въ покоѣ.

Во все время моего пребыванія въ Москвѣ и ея университетѣ мы продолжали жить довольно тѣсной семьей. Общенье съ профессорами разныхъ факультетовъ было несравненно болѣе дѣятельное, чѣмъ то, какое существуетъ въ Петербургѣ. Университетъ былъ центромъ всѣхъ интересовъ для каждаго изъ насъ, а для круговъ, стоящихъ внѣ его стѣнъ, тѣмъ очагомъ, изъ котораго шли руководящія теченія общественной мысли. Къ чести университета надо сказать, что эти теченія были освободительнаго характера. Большинство руководителей были проникнуты любовью къ знанію, къ свободѣ научной мысли и свободѣ общественной дѣятельности. Многіе съ большимъ или меньшимъ нетерпѣніемъ ожидали завершенія реформъ, начало которымъ положено было 19 февраля, и съ болѣзненнымъ чувствомъ относились ко всякому новому проявленію реакціи, постепенно охватившей правительственные круги со времени польскаго возстанія. Было и ближайшее основаніе къ недовольству. Предвидѣли, что въ скоромъ будущемъ положенъ будетъ конецъ автономному строю нашихъ университетовъ и что многимъ изъ насъ придется разстаться съ своей преподавательской дѣятельностью.

Незадолго до моего вступленія въ число лекторовъ коммисіи, получившая отъ министра народнаго просвѣщенія полномочіе разъѣзжать по университетамъ и собирать въ нихъ свѣдѣнія о постановкѣ преподаванія, съ цѣлью подготовить матеріалъ для составителей новаго университетскаго устава, посѣтила и Москву. До свѣдѣнія членовъ совѣта дошло, что одинъ изъ нашихъ профессоровъ, физикъ Любимовъ, одновременно редакторъ „Русскаго Вѣстника“ и прислужникъ Каткова, позволилъ себѣ дать университетскимъ порядкамъ не отвѣчавшую дѣйствительности и крайне рѣзкую оцѣнку. Въ недавно напечатанныхъ воспоминаніяхъ Г. Н. Вырубова, профессора Collège de France по исторіи наукъ, дана характеристика этого господина и какъ псевдо-ученаго, и какъ сомнительнаго общественнаго дѣятеля. Какъ псевдо-историка знаютъ его тѣ, въ настоящее время уже немногіе читатели, которые заглядывали въ его запоздалый памфлетъ противъ французской революціи. Помню, что я и тогда удивлялся, да и теперь не могу понять, почему доносы этого сотрудника Каткова могли вызвать въ членахъ совѣта раздраженіе, достаточно сильное, чтобы побудить значитель-

ное большинство профессоровъ къ послыжѣ ему коллективнаго письма, извѣщавшаго о рѣшеніи порвать съ нимъ всякій товарищескій обмѣнъ. Вѣдь не вызываетъ же нынѣ однохарактерное поведеніе г. Пуришкевича или г. Маркова II-го въ комъ бы то ни было изъ лицъ ими оклеветанныхъ, или единомышленниковъ этихъ лицъ, желанія вступить съ ними въ какой бы то ни было обмѣнъ мыслей, даже тотъ, какой предполагаетъ заявленіе о разрывѣ дальнѣйшихъ сношеній. Въ письмѣ, полученномъ г. Любимовымъ, значилось, что отнынѣ съ нимъ порваны всякія связи и прекращается даже простое знакомство. Г. Любимовъ пожелалъ сдѣлать видъ, что считаетъ такое заявленіе несерьезнымъ. При встрѣчѣ въ профессорской съ С. А. Муромцевымъ, бывшимъ въ то время только преподавателемъ университета, Любимовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, протянулъ ему руку, хотя Муромцевъ и былъ однимъ изъ лицъ, подписавшихъ коллективное посланіе. Незначительное положеніе, занимаемое пока въ университетской корпораціи молодымъ ученымъ, отчасти объясняетъ расчетъ Любимова, что протянутая рука не останется въ воздухѣ. Но Муромцевъ успѣшилъ разуверить его на этотъ счетъ. Послѣдствіемъ былъ новый доносъ Любимова, на этотъ разъ — уже высшему начальству, а послѣднее, въ лицѣ министра просвѣщенія графа Толстого, воспользовалось представившимся случаемъ, чтобы возложить отвѣтственность за все происшедшее на тогдашняго ректора университета, знаменитаго русскаго историка С. М. Соловьева. Сопровождаемый всеобщимъ уваженіемъ и глубокимъ сочувствіемъ всей университетской корпораціи, Соловьевъ покинулъ ректорство, а вслѣдъ затѣмъ и профессуру. Но, желая показать, что имъ сохранены самыя лучшія отношенія съ университетомъ, онъ, по просьбѣ товарищей, продолжалъ читать лекціи на правахъ преподавателя, по единогласному выбору факультета. Соловьевъ казался опаснымъ министру Толстому, какъ человѣкъ лично извѣстный Александру II-му и имѣвшій поэтому возможность въ рѣшительную минуту поддержать своимъ вѣскимъ словомъ университетскую автопомію и дарованный самимъ императоромъ уставъ 1863-го года. Что касается до Любимова, то онъ понялъ преподанный ему урокъ и ни разу за все мое пребываніе въ университетѣ не попадался болѣе никому изъ насъ на глаза, ни въ профессорской, ни въ университетскомъ совѣтѣ. Стойкость, обнаруженная Муромцевымъ, привлекла къ нему симпатіи и сдѣлала его популярнымъ. Наоборотъ, рѣзкое выступленіе сына С. М. Соловьева, извѣстнаго впослѣдствіи философа, въ пользу Любимова, вызванное на дѣлѣ желаніемъ от-

стоять свободу каждаго высказывать свои убѣжденія, каковы бы они ни были, получило настолько невыгодную интерпретацію, что отвѣдь, данная ему на одномъ изъ вечеровъ у В. И. Герье самымъ же хозяиномъ, встрѣчена была сочувственно. Владиміру Сергѣевичу поставлена была на видъ неблаговидность его поведенія по отношенію не только къ товарищамъ по корпораціи, но и по отношенію къ отцу, котораго тотъ же Любимовъ гналъ со службы своими доносами. Поддержанный ранѣе на университетскихъ выборахъ тѣмъ же Герье, который теперь такъ рѣзко осуждалъ его поступокъ, Владиміръ Сергѣевичъ впервые почувствовалъ желаніе разорвать связь съ нашей коллегіей и преподаваніемъ въ ней. Крайне самолюбивый, онъ не вынесъ рѣзко измѣнившихся къ нему отношеній и профессоровъ, и студентовъ — и вышелъ изъ состава доцентовъ московскаго университета.

Недолго сохранили мы въ своей средѣ и С. М. Соловьева. Пережитыя имъ непріятности ускорили его конецъ. На похоронахъ сказалось сердечное къ нему отношеніе и его товарищей, и университетской молодежи. Гробъ его несли до могилы, на протяженіи вѣсколькихъ верстъ, профессора, преподаватели и студенты. Когда я вспоминаю въ настоящую минуту мое кратковременное съ нимъ знакомство, передо мною рисуется образъ челоуѣка съ очень опредѣленными убѣжденіями, очень стойкаго въ ихъ проведеніи въ жизнь. Сергѣй Михайлычъ нерѣдко въ рѣзкой формѣ высказывалъ свою мысль, не боясь задѣть самолюбіе и старыхъ своихъ пріятелей, въ родѣ Чичерина, и новыхъ почитателей своихъ пятницъ. Я помню, какъ однажды въ моемъ присутствіи онъ напалъ на своего же кандидата на оставленную имъ кафедру — на В. О. Ключевскаго. Обсуждался отказъ Макъ-Магона отъ президентства, Ключевскій высказалъ догадку, что Макъ-Магонъ оставилъ свой постъ не по собственному желанію, а уступая требованію общественнаго мнѣнія. Сергѣй Михайлычъ призналъ такой отзывъ неуважительнымъ и напалъ на своего собесѣдника, совершенно произвольно предполагая въ немъ радикала, нетерпимо относящагося къ поведенію самыхъ честныхъ и великодушныхъ консерваторовъ. Другой разъ досталось Забѣлину, какъ дерзнувшему писать исторію русскаго парода при одинаковомъ незнаніи какъ древнихъ, такъ и новыхъ языковъ. И я однажды выслушалъ отвѣдь за то, что не прочелъ 18-ти томовъ Віель-Кастеля, историка первой реставраціи во Франціи. „Хорошо, молъ, научное безпристрастіе молодыхъ ученыхъ, которые даже не хотятъ знакомиться съ капитальнѣй-

шими сочи́пеніями только потому, что они написаны консерваторами“. Это не помѣшало тому же Соловьеву согласиться па сотрудничество въ „Критическомъ Обозрѣніи“ и дать намъ статью для перваго номера. Когда въ томъ же журналѣ возникла полемика между мною и Чичерипымъ изъ-за оцѣнки историческихъ судебъ сельской общины и извѣстный русскій ученый отнесся ко мнѣ съ олимпійскимъ величіемъ, Сергѣй Михайлычъ не одобрилъ поведенія своего бывшаго товарища и счелъ возможнымъ довести до моего свѣдѣнія, что онъ нимало не поддерживаетъ Чичеринской аргументаціи. Мнѣ не пришлось слышать Соловьева, какъ профессора. Многіе жаловались, что съ годами онъ становился все болѣе и болѣе схематичнымъ. Явилось предположеніе, что онъ не готовится къ лекціямъ. Жаловались па то, что изложеніе имъ предмета становилось все болѣе и болѣе сухимъ и скучнымъ.

Появленіе на каѳедрѣ Ключевскаго, съ его яркой и образной рѣчью, съ его мѣткими характеристиками и рѣдкимъ умѣньемъ подбирать эпитеты, встрѣчено было, поэтому, молодежью съ большимъ энтузіазмомъ. Рѣдкій профессоръ съумѣлъ сразу завоевать себѣ больше вниманія, чѣмъ мало извѣстный еще въ то время московскій историографъ. Все ранѣе писанное Ключевскимъ носило слишкомъ спеціальный характеръ, чтобы обратить на него вниманіе широкихъ круговъ. Его магистерская диссертация о житіяхъ святыхъ, какъ источникъ русской исторіи, и болѣе ранній трактатъ, написанный для полученія золотой медали и озаглавленный: „Сказанія иностранцевъ о Россіи“, создали ему репутацію строгаго изслѣдователя. Но лекціи въ Троицко-Сергіевской Духовной Академіи и статьи, напечатанныя имъ, часто безъ подписи, въ „Критическомъ Обозрѣніи“, не замедлили установить на его счетъ представленіе, какъ о блестящемъ преподавателѣ и бойкомъ публицистѣ. Въ числѣ неподписанныхъ имъ статей одна была посвящена разбору сочиненій Юрія Самарина, настолько опредѣленному и рѣзкому, что многіе, разгадавшіе, кто дѣйствительный его авторъ, составили о Ключевскомъ представленіе, какъ о несомнѣнномъ западникѣ и вѣроятномъ радикалѣ. Василій Осиповичъ дружилъ въ это время съ молодымъ и талантливymъ историкомъ литературы Шаховымъ. Послѣдняго шути называли Сень-Жюстомъ, а многіе прибавляли къ этому, что при немъ Ключевскій играетъ роль Робеспьера. Этой репутаціи Василій Осиповичъ своей дальнѣйшей карьерой нимало не оправдалъ.

Благодаря изданію „Критическаго Обозрѣнія“, столько же

разсчитаннаго на удовлетвореніе научныхъ запросовъ членовъ историко-филологическаго факультета, какъ и юристовъ, мнѣ приходилось не разъ вступать въ довольно тѣсный умственный обмѣнъ со всеобщими историками и историками литературы. Съ однимъ изъ первыхъ, В. И. Герье, возникли у меня болѣе или менѣе натянутыя отношенія въ виду моего продерзостнаго отношенія къ его совмѣстной работѣ съ Чичеринымъ. Герье несомнѣнно принадлежитъ къ числу разносторонне образованныхъ русскихъ изслѣдователей. Съ прекрасной классической подготовкой и хорошимъ знаніемъ новыхъ языковъ онъ соединяетъ обладаніе строгимъ критическимъ методомъ, приобретеннымъ имъ продолжительной работой надъ источниками, подъ руководствомъ нѣмецкихъ профессоровъ. Къ этимъ качествамъ онъ, къ сожалѣнію, не присоединяетъ ни научной терпимости, ни широты взглядовъ въ сферѣ общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Ему необходимо ходить въ шорахъ буржуазнаго либерализма, того узкаго западничества, которое заставляетъ отрицательно относиться къ русскимъ общественнымъ устоямъ, частью потому, что ихъ нѣтъ болѣе въ Германіи, частью же потому, что они не отвѣчаютъ буржуазному доктринерству. Къ Герье вполне примѣнимо извѣстное возраженіе Лебрена: „libéral—c'est le diminutif de libre“ (либераль—это уменьшительное отъ свободный). Когда князь Васильчиковъ издалъ свою извѣстную книгу „о землевладѣніи и земледѣліи“, въ которой отстаивалъ между прочимъ общинные порядки и мірскіе передѣлы, Герье обрушился на него, въ сообществѣ Чичерина въ книгѣ, совмѣстно ими написанной, одно заглавіе которой было уже обидой для критикуемаго автора: „Диллетантизмъ и общинное землевладѣніе“. Въ этой брошюрѣ съ олимпійскимъ величіемъ проводится невѣрный взглядъ, будто Западной Европѣ общинное землевладѣніе никогда не было извѣстно. Я счелъ своимъ долгомъ указать, опираясь на только что переведенную книгу Нассе, что въ самой Англіи въ теченіе вѣковъ крестьянство пользовалось землею въ помѣстьяхъ на началахъ надѣльной системы, предполагающей равенство долей въ пахатной землѣ и совмѣстную эксплуатацію сѣнокосовъ и выгоновъ. Моя небольшая замѣтка вызвала цѣлую полемику на страницахъ мной же издаваемаго журнала. Ея было достаточно для прекращенія, если не личнаго знакомства, то всякаго болѣе тѣснаго общенія съ крайне самолюбивымъ и мнительнымъ историкомъ. Мое выступленіе на диспутѣ Карѣева по исторіи французскихъ крестьянъ, съ цѣлью поддержать диспутанта, не содѣй-

ствовало умиротворенію Герье, и рознь между нами отъ этого только усилилась.

Въ числѣ учениковъ Владиміра Ивановича, обязанныхъ ему и своей подготовкой, и самымъ началомъ своей карьеры, былъ и извѣстный нынѣ столько же на Западѣ, сколько и у насъ П. Г. Виноградовъ. Еще студентомъ онъ обратилъ на себя вниманіе хорошимъ переводомъ „Исторіи французской гражданственности“ Гизо, предпринятымъ по совѣту и при ближайшемъ участіи Герье. Послѣ успѣшнаго окончанія университетскаго курса Виноградовъ оставленъ былъ при университетѣ тѣмъ же Герье и вскорѣ заявилъ о себѣ удачнымъ выступленіемъ на моемъ диспутѣ. Его отъѣздъ за границу для подготовленія диссертациі—причина тому, что болѣе тѣсное сближеніе послѣдовало между нами не сразу, а только съ тѣхъ поръ, когда тому же Виноградову, быть можетъ—подъ вліяніемъ моей книги „Объ общественномъ строѣ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“, пришло па умъ заняться раннимъ средневѣковымъ въ той же Англіи и въ частности исторіей ея крѣпостного права. Эти работы вылились сперва въ форму диссертациі; на ея защитѣ я выступилъ вторымъ оппонентомъ; мнѣ же суждено было быть первымъ по времени критикомъ этой выдающейся работы въ англійскомъ юридическомъ журналѣ, издаваемомъ извѣстнымъ Фредерикомъ Поллокомъ. Изъ моей статьи англичане впервые познакомились съ работой Виноградова и настолько заинтересовались ею, что предложили автору напечатать въ изданіяхъ „Кларендонской Прессы“ въ Оксфордѣ ту часть его монографіи, которая посвящена изображенію крѣпостного строя въ Англіи въ XIII вѣкѣ. Для англійской публики Виноградовъ значительно переработалъ свою книгу на основаніи новаго рукописнаго матеріала, добытаго имъ въ центральномъ государственномъ архивѣ и въ библіотекахъ Оксфорда и Лондона. Его сочиненіе много выиграло отъ случайной находки записной книги англійскаго юриста XIII вѣка, Брактона. Рѣшеніе вопроса о томъ, кому принадлежитъ найденная въ библіотекѣ Британскаго музея рукопись, потребовало отъ молодого русскаго ученаго успѣшнаго приложенія тѣхъ приѣмовъ критики историческихъ источниковъ, которымъ обучилъ его еще въ московскомъ университетѣ В. И. Герье. Результаты случайной находки, сдѣланной Виноградовымъ, были, можетъ быть, еще значительнѣе, чѣмъ тѣ, какими сопровождался выходъ его книги о крѣпостномъ правѣ. Молодой, выдающійся англійскій юристъ Метландъ, въ сообществѣ съ Поллокомъ и пользуясь тѣми матеріалами, на основаніи которыхъ написана была Брактономъ

его книга, издалъ двухтомный трактатъ по исторіи англійскаго права съ древнѣйшихъ временъ до конца XIII столѣтія. Такимъ образомъ можно сказать, что Виноградовъ до нѣкоторой степени проложилъ путь къ научной разработкѣ англійскаго common law, т.-е. общаго или земскаго права Англіи. Недаромъ же Метландъ шутя называлъ его если не отцомъ, то дѣдомъ долгое время заброшенныхъ въ Англіи „юридическихъ древностей“.

Мнѣ трудно высказать общее сужденіе о научномъ уровнѣ преподавательскаго персонала въ московскомъ университетѣ въ десятилѣтіе, проведенное мною въ Первопрестольной; но достаточно назвать нѣкоторыя имена, чтобы вызвать въ памяти образъ людей, оставившихъ глубокой слѣдъ въ русской наукѣ и просвѣщеніи. На одномъ филологическомъ факультетѣ дѣйствовали въ это время такіе знатоки своего предмета, какъ Буслаевъ, Тихоновъ, Соловьевъ, Ключевскій, Фортунатовъ, Миллеръ, Коршъ, Алексѣй Веселовскій, Цвѣтаевъ и многіе другіе, на правахъ частью профессоровъ, частью доцентовъ и преподавателей. Я, конечно, стоялъ всего ближе къ молодымъ историкамъ. Изъ нихъ я подружился съ Алексѣемъ Веселовскимъ, нашимъ несомнѣнно лучшимъ знатокомъ судебъ французскаго театра и въ частности Мольера. Веселовскій принадлежитъ къ числу отличнѣйшихъ лекторовъ, слышанныхъ мною въ Россіи. Братъ знаменитаго ученаго, онъ, можетъ быть, уступаетъ ему въ знакомствѣ съ романской и древнегерманской филологіей, а равно и въ знаніи европейскаго и русскаго фольклора, но, по своей начитанности и разнообразію затронутыхъ имъ темъ, онъ можетъ выдержать всякое сравненіе. Начавъ съ военной службы, онъ увлекался затѣмъ одно время пѣніемъ и готовился къ сценѣ. Плодомъ этого было обстоятельное знакомство съ русской и вообще славянской музыкой, позволившее ему напечатать рядъ статей, доселѣ не потерявшихъ значенія. Прекрасное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, при непрекращающемся интересѣ къ судьбамъ драматическаго искусства,—причина тому, что второй его работой было изученіе воздѣйствія, оказаннаго средневѣковыми нѣмецкими мистеріями на древній русскій театр. Отъ нѣмцевъ Веселовскій перешелъ къ французамъ и написалъ двѣ образцовыя монографіи, одну — о „Тартюфѣ“, другую — о „Мизантропѣ“. Онъ продолжилъ свое изученіе французской комедіи, между прочимъ — интересной статьей о Бомаршэ. Параллельно этимъ работамъ шли другія: о Дидро и рядъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей XVIII и XIX столѣтій. Одна изъ послѣднихъ по времени монографій, написанныхъ Алексѣемъ Николаевичемъ, посвящена Байрону. Методъ

Веселовскаго приближаетъ его къ Ипполиту Тэну. Онъ изучаетъ вмѣстѣ съ писателемъ и его эпоху, ищетъ въ окружающей его средѣ многообразныя вліянія, опредѣлившія его дѣятельность, а въ твореніяхъ, оставленныхъ авторомъ,—отраженіе его времени. Но этимъ Веселовскій еще не заканчиваетъ своей работы. Онъ слѣдитъ за историческимъ развитіемъ выведенныхъ писателемъ типовъ, будутъ ли ими Тартюфъ, Донъ-Жуанъ, Фаустъ или разнообразныя герои Байрона. При этомъ ему часто приходится слѣдить за воздѣйствіемъ, оказаннымъ литературами разныхъ странъ и народовъ. Удачно испробовавъ сначала на отдѣльных примѣрахъ тотъ методъ изученія странствующихъ сказаній, которымъ такъ умѣло орудовалъ его братъ, Веселовскій по отношенію ко всей русской литературѣ задался затѣмъ вопросомъ о „западномъ вліяніи“. Каждое новое изданіе его книги является переработкой, а не однимъ только восполненіемъ первоначальнаго текста.

По тому же пути изученія иностранныхъ воздѣйствій на нашу древнюю письменность въ такой же мѣрѣ, какъ и на народный эпосъ, пошелъ В. Θ. Миллеръ — и въ своей попыткѣ показать, въ какой мѣрѣ „Слово о полку Игоревѣ“ написано было подъ вліяніемъ византійской повѣсти о дѣяніяхъ Александра Македонскаго, въ той переработкѣ, какую она получила въ южно-славянскихъ передачахъ, и въ томъ рядѣ изслѣдованій о былинахъ и богатыряхъ, которыя, будучи рапѣ напечатаны въ общедоступныхъ журналахъ, въ томъ числѣ въ „Вѣстникѣ Европы“, и въ болѣе спеціальныхъ изданіяхъ, вышли затѣмъ толстыми томами. Въ своей молодости, быть-можетъ подъ вліяніемъ Буслаева, Миллеръ ломалъ копыя со Стасовымъ, отрицая восточное вліяніе на русскій народный эпосъ. Но болѣе близкое знакомство съ странствующими сказаніями и изученіе восточныхъ сюжетовъ эпической поэзіи — частью въ литературныхъ памятникахъ Индіи и Ирана, частью въ записанныхъ имъ впервые кавказскихъ былинахъ — раскрыли ему глаза на плодотворность того пріема, на который указано было Стасовымъ. Наши былины послѣ его работъ оказались столько же продуктами самостоятельнаго народнаго творчества, сколько оригинальной разработкой перешедшихъ къ намъ съ Востока сказаній и литературныхъ сюжетовъ отдаленнаго средневѣковья.

Довольно тѣсное общеніе, возникшее между мною и московскими историками всеобщей литературы — причина тому, что я чаще проводилъ время въ ихъ обществѣ, нежели въ средѣ моихъ ближайшихъ товарищей по факультету. Примѣненіе сравнитель-

наго метода во всѣхъ историческихъ дисциплинахъ особенно интересовало меня въ это время, и я немало вынесъ поучительнаго для себя въ этомъ отношеніи изъ чтенія тѣхъ сочиненій по сравнительному фольклору, сравнительной исторіи религій и исторіи странствующихъ сказаній, на которыя указывали мнѣ одинаково и Миллеръ, и Веселовскій, и Стороженко.

Догматическая юриспруденція никогда не пользовалась моими симпатіями. И то же еще въ большей степени я могу сказать о тѣй нравственно-правовой метафизикѣ, которая, подъ именемъ философіи и энциклопедіи юридическихъ и государственныхъ знаній, или общей части государственнаго и уголовного права, преподавалась и преподается въ русскихъ университетахъ по образцу германскихъ. Меня несравненно болѣе привлекали къ себѣ экономика и обществовѣдѣніе, и я съ глубокимъ сочувствіемъ слѣдилъ за преподавательской дѣятельностью и за научными и публицистическими работами моихъ ближайшихъ пріятелей, Янжула и Чупрова. Когда, за смертью Лешкова, осталась свободной каѳедра такъ называемаго полицейскаго права или благоустройства, ее временно занялъ Янжулъ. Это позволило ему сосредоточить свои работы на соціальной экономіи и изученіи, въ частности, рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства въ разныхъ странахъ Европы. Практическая дѣятельность вскорѣ пошла у него рядомъ съ теоретической и въ самой тѣсной отъ нея зависимости. Когда министромъ Бунге создана была фабричная инспекція, Ив. Ив. согласился занять постъ старшаго инспектора въ Московскомъ районѣ. Изученіе на дѣлѣ, путемъ разѣздовъ по фабрикамъ, условій нашей промышленности и матеріальнаго положенія рабочихъ вскорѣ восполнено было исполненіемъ имъ правительственнаго порученія. Онъ согласился предпринять цѣлую анкету въ Царствѣ Польскомъ по тѣмъ же вопросамъ, какіе изучены были имъ въ Московскомъ районѣ и освѣщены въ двухъ печатныхъ отчетахъ по фабричной инспекціи. Много лѣтъ спустя, когда, уступая настояніямъ устроителей Школы Общественныхъ наукъ въ Парижѣ, я согласился въ рядѣ лекцій нарисовать французамъ картину хозяйственнаго быта Россіи, работа и доклады Янжула послужили мнѣ главнѣйшимъ матеріаломъ для короткаго очерка положенія нашей промышленности въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Строгимъ соблюденіемъ поваго закона, ограждающаго интересы рабочихъ, Янжулъ не замедлилъ снискать себѣ недовольство фабрикантовъ. Оно сказалось въ готовности снабдить капиталомъ извѣстнаго нынѣ, но тогда только что начинавшаго свою публицистическую карьеру

Шарапова. На эти деньги послѣднимъ предпринято было изданіе, посвященное якобы интересамъ нашей промышленности и торговли, но преслѣдовавшее въ то же время болѣе узкую и легче достижимую цѣль — похода противъ старшаго фабричнаго инспектора въ Москвѣ. Авторы статей, направленныхъ противъ Янжула, не отступили передъ обвиненіемъ его въ колебаніи религіозныхъ основъ народной жизни. Поводъ къ этому дало то обстоятельство, что помощникъ Янжула по фабричной инспекціи, при составленіи списка товаровъ, какіе фабриканты могли держать въ своихъ экономатахъ или лавкахъ для рабочихъ, забылъ упомянуть о тарани. Въ этомъ усмотрѣно было сознательное желаніе отучить нашъ трудящійся людъ отъ соблюденія постовъ. Подобнаго рода обвиненіями, въ связи съ тайными доносами, подготовленъ былъ фактически вынужденный, но формально добровольный выходъ Янжула изъ числа фабричныхъ инспекторовъ. Скрѣпя сердце, Бунге уступилъ вліянію руководящихъ круговъ и далъ понять моему товарищу, что дальнѣйшее пребываніе его во главѣ московской инспекціи становится затруднительнымъ.

Изданіе, во главѣ котораго стоялъ г. Шараповъ, предпринявъ походъ противъ Янжула, не обошло своимъ вниманіемъ и его ближайшихъ пріятелей — меня въ томъ числѣ. За отъѣздомъ профессора Алексѣева, мнѣ поручено было временно чтеніе лекцій по общему государственному праву и исторіи политическихъ ученій. Говоря о теоріяхъ французскаго абсолютизма, я остановился между прочимъ на тѣхъ, съ которыми связано имя современника Людовика XIII — Бальзака. Этотъ писатель доводилъ свое рвеніе до того, что объявлялъ лучшими патріотами „донощиковъ, позволяющихъ правительству своевременно упокоить своихъ скрытыхъ противниковъ помѣщеніемъ ихъ въ тюрьмы“. Въ журнальчикѣ г. Шарапова все сказанное мною о французскомъ абсолютизмѣ XVII-го вѣка отнесено было къ русскому самодержавію и самая статья озаглавлена: „Самодержавіе по ученому“. Послѣдствіемъ появленія этой статьи было приглашеніе меня министромъ народнаго просвѣщенія Деляновымъ къ дачѣ объясненій по начальству и представленію текста моихъ лекцій. Такого не оказалось. Университетская инспекція добровольно пришла на помощь начальству, и главный инспекторъ вырвалъ изъ рукъ у одного изъ студентовъ — нынѣ профессора С.-Петербургскаго Политехникума, Дэна — тетрадь съ записью моихъ лекцій. Но и въ ней, къ сожалѣнію для развѣдчиковъ, ничего предосудительнаго не оказалось. Пришлось искать новыхъ мотивовъ къ

удаленію меня съ занятой мною каѳедры. Инспекторъ Брызгаловъ и на этотъ разъ выступилъ въ роли добровольнаго сыщика. Болѣе года длилась эта, по выраженію тогдашняго московскаго попечителя Капниста, „гнусная травля“. Она нѣсколько разъ прерываема была предложеніемъ мнѣ временно уѣхать въ заграничную командировку—предложеніемъ, отъ котораго я отказывался въ виду того, что само начальство не считало возможнымъ категорически отвѣтить на мой вопросъ, буду ли я отставленъ во время моей командировки или нѣтъ. На предложеніе подать въ отставку послѣдовалъ съ моей стороны самый категорическій отказъ. Мѣсяцъ спустя мнѣ было сообщено, что всякіе поводы къ недовольству мною исчезли. Это было весною, а къ осени пришелъ увольняющій меня отъ службы приказъ министра, въ которомъ значилось между прочимъ, что я не лишаюсь возможности продолжать мое служеніе отечеству въ другихъ вѣдомствахъ и получить по истеченіи положеннаго закономъ срока внѣшній знакъ безпорочной службы.

Но, говоря обо всемъ этомъ, я забѣгаю впередъ и только указываю на тотъ крайній пунктъ, до котораго будетъ доведенъ мой дальнѣйшій рассказъ о годахъ, проведенныхъ мною въ Москвѣ. Моя отставка послѣдовала осенью 1887-го года. Преподавательская же моя дѣятельность потекла правильно только съ 1877-го года. Если выключить два года моей командировки за границу, 1881-й и 1882-й, и многіе мѣсяцы, проведенные мною на Кавказѣ или въ заграничныхъ отпускахъ, то я въ общемъ провелъ въ Москвѣ значительно менѣе восьми лѣтъ. Но я долгое время не прерывалъ моихъ связей съ нею и во время пребыванія за границей, гдѣ сперва въ Стокгольмѣ, а затѣмъ въ Брюсселѣ, Оксфордѣ, Парижѣ и американскихъ университетахъ, возобновляема была мною не разъ преподавательская дѣятельность. Когда открылась для меня снова возможность занять профессуру въ Россіи, московскій университетъ первый открылъ мнѣ свои двери, и если я нынѣ профессорствую въ Петербургѣ, то по личному выбору и изъ желанія соединить съ моими научными работами и преподаваніемъ дѣятельное представительство университетовъ и Академіи въ Верхней Палатѣ нашего парламента.

II.

Я коснулся пока въ моихъ воспоминаніяхъ одного только университета; но въ тѣсной связи съ нимъ стояла и стоитъ въ

Москвѣ литературная, журнальная и газетная работа, въ значительной мѣрѣ питаемая дѣятельностью тѣхъ различныхъ ученыхъ и полу-ученыхъ обществъ, которыя образовались при университетѣ и собранія которыхъ обыкновенно созываются въ его стѣнахъ. Въ ряду этихъ обществъ археологическое, этнографическое, юридическое и психологическое считали меня въ числѣ своихъ членовъ, наравнѣ съ наиболѣе старымъ изъ всѣхъ московскихъ просвѣтительныхъ обществъ—обществомъ любителей российской словесности. Изъ журнальныхъ и газетныхъ редакцій я стоялъ всего ближе къ „Русскимъ Вѣдомостямъ“, а затѣмъ къ „Русской Мысли“, одно время редактируемой очень дружелюбно относившимся ко мнѣ эпигономъ стараго славянофильства, С. А. Юревымъ. При посѣщеніи обществъ и редакцій меня всегда поражало въ Москвѣ присутствіе однихъ и тѣхъ же лицъ. Въ понедѣльникъ они были археологами, во вторникъ или среду—этнографами или юристами, и недѣля не кончалась безъ новой встрѣчи съ ними въ психологическомъ обществѣ или обществѣ любителей российской словесности. Объясняется это, разумѣется, прежде всего тѣмъ, что культурный классъ не представляетъ у насъ большой толщи, а во-вторыхъ тѣмъ, что спеціализаціи занятій, на которую жалуются въ Европѣ, у насъ не существуетъ. Мѣсто ея занимаетъ уравновѣшенное и, въ общемъ, хладнокровное отношеніе къ успѣхамъ знаній въ разныхъ областяхъ, начиная отъ результатовъ раскопокъ и изслѣдованій о каменномъ вѣкѣ и оканчивая новѣйшими гипотезами психологовъ, философовъ и социологовъ.

Общество любителей русской словесности принадлежитъ несомнѣнно къ числу самыхъ лѣнивыхъ обществъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло. На похоронахъ Тургенева, на которыя я былъ командированъ этимъ обществомъ вмѣстѣ съ Веселовскимъ для возложенія вѣнка, одинъ петербургскій литераторъ не безъ ироніи замѣтилъ: „разъ есть вѣнокъ отъ общества, значитъ—оно существуетъ“. Помимо годовыхъ собраній для выслушанія отчета не столько о дѣятельности общества, сколько о его летаргическомъ снѣ, изрѣдка созывались собранія для чествованія тѣхъ или другихъ выдающихся писателей земли Русской. Писемскій читалъ, при заслуженномъ равнодушіи присутствующихъ, отрывки изъ своихъ „Масоновъ“ или своихъ „Мѣщанъ“; Тургеневу устраивались оваціи по случаю прибытія его на Пушкинскія празднества. Тѣ же литературныя торжества вызывали произнесеніе прекрасныхъ рѣчей Веселовскимъ, Стороженко или самимъ предсѣдателемъ общества Юревымъ, и

поражающихъ неожиданностью своихъ сопоставленій историческихъ сообщеній Ключевского „объ Ордынѣ Нащокинѣ и Евгеніи Овѣгинѣ“, „о добрыхъ людяхъ старой Руси“ и официальныхъ благодетелейхъ новой. Тургеневъ однажды вѣрно охарактеризовалъ эти сообщенія, говоря, что къ ихъ автору подходитъ тотъ эпитетъ *esprit spécieux*, который прилагаютъ къ сотрудникамъ извѣстнаго французскаго журнала „*Revue des deux Mondes*“. Терминъ *spécieux* непереводимъ на русскій языкъ; ближе всего отвѣчаетъ ему понятіе не столько остроумнаго, сколько остроумничающаго писателя.

Большой жизненностью не отличалось только-что возникавшее въ мое время психологическое общество. Оно затѣяно было Троицкимъ, первыя работы котораго вызвали надежду, что въ московскомъ университетѣ, на смѣну старымъ метафизикамъ съ религіозной окраской, выступитъ ревнитель англійской психологіи и философіи наукъ. Первая надежда отчасти только оправдалась, и Троицкимъ выпущена была книга подъ заглавіемъ: „Наука о духѣ“. Но къ французскому позитивизму авторъ ея повернулся спиной и обнаружилъ совершенное незнакомство съ его основателемъ, назвавъ Огюста Конта французскимъ матеріалистомъ. Тѣмъ, кому, подобно мнѣ или профессору Тимирязеву, еще за границей, въ годы ученичества, пришлось заинтересоваться направлениемъ, даннымъ философской мысли Контомъ, Литтрэ, Миллемъ, Бэномъ, Спенсеромъ и Джорджемъ Льюисомъ, показалось весьма желательнымъ возникновеніе общества, готоваго посвятить себя научному изученію психологіи и сосѣднихъ съ нею философскихъ дисциплинъ. Мы выступили, поэтому, въ числѣ членовъ учредителей, но ожиданія наши далеко не оправдались. Метафизическое направленіе въ скоромъ времени получило въ основанномъ нами обществѣ рѣшительный перевѣсъ, и мы постепенно стали все рѣже и рѣже посѣщать его засѣданія. Исключеніе дѣлаемо было нами въ такихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, какой представило, напримѣръ, чтеніе М. Н. Толстымъ его первыхъ по времени соображеній о цѣли жизни. Среди многочисленной толпы профессоровъ и учащихся, едва нашедшей себѣ мѣсто въ обширномъ кругломъ залѣ совѣтскихъ засѣданій, Левъ Николаевичъ въ теченіе часа старался убѣдить насъ, что цѣль жизни—подготовленіе къ смерти. Съ этимъ основнымъ положеніемъ позволили себѣ не согласиться наиболѣе дерзновенные изъ нашихъ метафизиковъ, раздѣлявшихъ со служеніемъ идеологіи и болѣе практическія занятія въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ Каткова и въ московскомъ цензурномъ комитетѣ. По

мѣръ того, какъ одинъ изъ нихъ, съ цѣлью разбить автора реферата, выдвигалъ противъ него все новыя и новыя, почти исключительно нѣмецкіе авторитеты, лицо Толстого удлинялось и принимало волчій видъ. Возражать Левъ Николаевичъ отказался и попросилъ сдѣлать это за себя новаго предсѣдателя общества, профессора Грота. Хотя засѣданіе и окончилось оваціей нашему великому художнику-мудрецу, но Толстого мы болѣе не видѣли на засѣданіяхъ общества.

Этнографія и фольклоръ особенно заинтересовали меня со времени моихъ поѣздокъ на Кавказъ, и я согласился быть товарищемъ предсѣдателя этнографическаго отдѣла московскаго общества естествознанія и антропологии. Немало людей, извѣстныхъ въ настоящее время по разнымъ причинамъ, сходилось въ 80-хъ годахъ на собраніяхъ нашего общества. Предсѣдателемъ его въ то время былъ и, кажется, остается до сихъ поръ В. О. Миллеръ; секретарями состояли въ разное время такіе люди, какъ Гондатти, нынѣ томскій губернаторъ, братья Харузины, такъ много сдѣлавшіе впослѣдствіи для русской этнографіи. Одинъ изъ нихъ—авторъ обширнаго изслѣдованія о лопаряхъ,—пробывъ нѣсколько лѣтъ губернаторомъ въ Бессарабіи, завѣдуетъ въ настоящее время департаментомъ иностранныхъ исповѣданій. Въ числѣ участниковъ общества, я могу припомнить двухъ теперешнихъ академиковъ, профессора Корша и студента Шахматова. Должность вице-предсѣдателя послѣ меня занималъ Викторъ Михайловскій, авторъ извѣстнаго изслѣдованія о шаманствѣ. Въ числѣ сообщеній, намъ сдѣланныхъ, очень многія попали впослѣдствіи на страницы „Этнографическаго Обзорѣнія“. Не отказывались читать въ нашемъ обществѣ весьма интересныя сообщенія путешественники Миклуха-Маклай, Паткановъ, Пржевальскій и глубокій знатокъ русскаго фольклора и русской народной поэзіи—Шейнъ. Вообще этнографія понимаема была нами въ самомъ широкомъ смыслѣ. Члены общества въ равной степени интересовались и матеріальной культурой различныхъ народностей, входящихъ въ составъ Россіи, и ихъ языкомъ, литературнымъ и музыкальнымъ творчествомъ, обычаями, обрядами и повѣрьями. Кавказу и Сибири отведено было немало вниманія. Миллеру и мнѣ не разъ приходилось выступать съ докладами, содержаніе которыхъ перешло впослѣдствіи и въ „Осетинскіе Этюды“ нашего дорогого предсѣдателя, и въ мое сочиненіе о „современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ“.

Въ археологическомъ обществѣ, подъ руководствомъ сперва графа, а затѣмъ графини Уваровыхъ, дѣлаемо было немало инте-

ресныхъ сообщеній столько же московскими, сколько и иногородными ревнителями до-исторической старины. Исключительно счастливымъ раскопщикомъ кургановъ надо признать Самоквасова. Его удачи достигнуты были несомнѣнно цѣною истребленія десятковъ, а можетъ-быть и сотенъ, этихъ единственныхъ источниковъ ознакомленія съ матеріальнымъ бытомъ раннихъ насельниковъ необъятной восточной равнины, заселенной во времена Геродота скиѣми и сарматами, на которой перебивало столько кочевниковъ, прежде чѣмъ распространились по ней прибывшіе съ подножья Карпатъ славяне. Еще вопросъ, какъ оцѣнить потомство пріобрѣтеніе, цѣною безвозвратной потери многихъ памятниковъ прошлаго, драгоцѣнной коллекціи, составленной Самоквасовымъ изъ предметовъ матеріальной культуры раннихъ насельниковъ Сѣверской Земли, быть-можетъ слишкомъ поспѣшно отождествленныхъ имъ со славянами. Дальнѣйшіе выводы, сдѣланные теперешнимъ московскимъ профессоромъ на основаніи якобы курганныхъ раскопокъ и снимковъ съ уцѣлѣвшихъ городищъ, кажутся, къ счастью, не мнѣ одному совершенно фантастическими. Городища, служившія въ дѣйствительности временными убѣжищами для сосѣднихъ къ нимъ поселенцевъ отъ постоянно грозившихъ имъ набѣговъ, почему-то признаны были г. Самоквасовымъ городами, па основаніи чего и построена имъ смѣлая, но не выдерживающая критики гипотеза, что села—позднѣе городовъ и развились изъ нихъ. Всѣ послѣдующія его соображенія, основанныя на этотъ разъ на этнографическихъ данныхъ изъ быта сибирскихъ инородцевъ, въ частности—камчадаловъ, о томъ, что сословное неравенство развивается по мѣрѣ того, какъ народъ отъ осѣдлаго быта переходитъ къ кочевому, вопреки установившейся точкѣ зрѣнія на то, что кочевья предшествуютъ осѣдлости, не заслуживаетъ даже ближайшаго разсмотрѣнія. Всѣ эти гипотезы такъ же произвольны, какъ произвольно предположеніе, что расположенные въ Сѣверской Землѣ курганы сооружены были никѣмъ инымъ, какъ сѣверянами. Обѣ диссертациі Самоквасова, одна—о происхожденіи городовъ, другая—о древнѣйшей исторіи русскаго права, какъ основанныя на догадкахъ или крайне ошибочныхъ, или сомнительныхъ, едва ли заслуживали надѣленія г. Самоквасова искомыми имъ степенями—магистра и доктора. Но матеріалъ, имъ собранный, все же обиленъ и ждетъ еще вполне научныхъ изслѣдователей.

Несравненно менѣе счастливымъ въ своихъ раскопкахъ былъ не разъ пріѣзжавшій на археологическіе конгрессы кievскій про-

фессоръ Влад. Бонифатьевичъ Антоновичъ. Но необыкновенная осторожность, обнаруженная имъ въ его работахъ, тщательное веденіе дневника производимымъ раскопкамъ, точное обозначеніе въ нихъ мѣстонахожденія найденныхъ предметовъ, позволяютъ воспроизвести до мельчайшихъ подробностей матеріальную обстановку жизни строителей этихъ могилъ, нерѣдко же находимыя въ курганахъ монеты опредѣляютъ приблизительно время происхожденія самыхъ насыпей, и слѣдовательно дѣлаютъ правдоподобными гипотезы о сооруженіи ихъ тѣми или другими племенами. Мы не рискуемъ въ такихъ условіяхъ отождествлять скифовъ съ славянами, по образцу г. Самоквасова, а эпоху Геродота—со временемъ появленія на восточной равнинѣ Европы той арійской народности, отъ которой мы приходимъ.

Профессоръ Анучинъ, также принимавшій дѣятельное участіе въ трудахъ столько же археологическаго, сколько и антропологическаго общества, строгостью своихъ приемовъ изслѣдованія, наравнѣ съ Антоновичемъ, отгнѣялъ ненаучность тѣхъ наскоковъ на курганы и того систематическаго ихъ истребленія, къ которому, въ концѣ концовъ, сводилась дѣятельность нынѣшняго директора архива министерства юстиціи въ Москвѣ.

Пока живъ былъ графъ Уваровъ, русская археологія продолжала оставаться въ вѣрныхъ и заботливыхъ рукахъ. Раскопки, произведенныя при его ближайшемъ участіи, или по его порученію, въ разнообразнѣйшихъ частяхъ обширной имперіи, не исключая и Кавказа, доставили главный матеріалъ и для интересныхъ коллекцій историческаго музея въ Москвѣ, и для труда самого графа о каменномъ вѣкѣ въ Россіи. Одна витрина въ историческомъ музеѣ занята результатами моихъ собственныхъ разслѣдованій въ горныхъ пещерахъ, прилегающихъ къ аулу Хасаутъ, расположенному на недалекомъ разстояніи отъ Эльборуса. Одинъ изъ консерваторовъ музея, покойный Сизовъ, говорилъ мнѣ, что содержащіяся въ этой витринѣ куски матерій, въ какіе облечены были найденные мною скелеты, принадлежатъ къ числу интереснѣйшихъ матеріаловъ для исторіи древняго орнамента, какіе содержитъ въ себѣ Историческій музей въ Москвѣ.

Я принялъ болѣе близкое участіе въ дѣятельности археологическихъ конгрессовъ только съ тѣхъ поръ, когда на нихъ устроено было особое отдѣленіе юридическихъ древностей. На одесскомъ съѣздѣ, если не ошибаюсь, 1886-го года, мнѣ пришлось исполнять обязанности предсѣдателя въ этомъ отдѣлѣ, сразу привлекая въ себѣ вниманіе многочисленной публики и вызывая

шемъ своимъ успѣхомъ даже нѣкоторое соревнованіе въ руководителяхъ другихъ, ранѣе открывшихся отдѣловъ. На ближайшихъ съѣздахъ преемница графа Уварова, ссылаясь на желаніе ея покойнаго мужа, рѣшила не возобновлять попытки, нами сдѣланной въ Одессѣ: юридическія древности перестали входить въ число задачъ, преслѣдуемыхъ отечественной археологіей, кажется, по подозрѣнію, что эти задачи не чужды и интересамъ современности. Мнѣ не пришлось болѣе бывать на съѣздахъ русскихъ ревнителей старины, но я не порвалъ съ ними связи, и на екатеринославскомъ доложенъ былъ мой мемуаръ о древнѣйшей исторіи Азова—этой венеціанской колоніи, извѣстной нѣкогда подъ именемъ Таны, въ виду ея близости къ устьямъ Дона или Танаиса. Мемуаръ этотъ составленъ былъ мною на основаніи рукописнаго матеріала, хранящагося въ государственномъ архивѣ республики св. Марка.

О дѣятельности юридическаго общества я вскользь упомянулъ еще ранѣе. Оно сказывалось еженедѣльными собраніями и ежемѣсячнымъ выходомъ особаго „Вѣстника“, въ которомъ вопросы права и судебной практики разбирались рядомъ съ вопросами экономики и статистики. Когда все болѣшія и болѣшія цензурныя строгости сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшій выходъ журнала, мы рѣшились обратиться къ изданію юридическаго ежегодника, въ которомъ печатались наиболѣе интересныя сообщенія, сдѣланныя нашему обществу. Я продолжалъ мои взносы на покрытіе издержекъ нашего, конечно плохо окупавшагося предпріятія, наравнѣ съ небольшимъ кружкомъ людей, въ числѣ которыхъ были Муромцевъ, Пржевальскій и несчастный Іоллосъ. Сборникъ нашъ продолжалъ выходить до момента закрытія самаго общества, по почину его почетнаго члена Боголѣпова, пошедшаго навстрѣчу желаніямъ высшей московской администраціи. Она, какъ я слышала, была недовольна одной изъ рѣчей неизмѣнно выбираемаго на постъ предсѣдателя С. А. Муромцева.

Внѣшнія судьбы перваго предсѣдателя Государственной Думы настолько извѣстны, что едва-ли является необходимость упоминать о нихъ здѣсь. Въ серединѣ царствованія Александра III, вскорѣ послѣ того, какъ былъ принятъ новый уставъ университетовъ, Сергѣй Андреичъ неожиданно узналъ о своей отставкѣ. Долгое время мы ломали голову надъ ближайшими ея мотивами. Ходили какіе-то слухи о томъ, что случайно проѣзжавшая чрезъ Москву румынская депутація изъ устъ Сергѣя Андреича узнала о его сочувствіи конституціонному строю и надеждѣ увидѣть скорое наступленіе послѣдняго въ Россіи. Только много лѣтъ

спустя изъ нѣкоторыхъ бумагъ, сообщенныхъ мнѣ докторомъ Бѣлоголовымъ и полученныхъ имъ отъ графа Лорисъ-Меликова, я узналъ дѣйствительную причину отставки моего уважаемаго товарища по преподаванію. Какъ проректоръ, Муромцевъ старался предупредить внутреннюю распрю московскаго студенчества, вызванную различнымъ отношеніемъ къ горестному событію — убійству Царя-Освободителя. Онъ не принялъ доноса на тѣхъ, кто будто бы открыто высказывался противъ посылки вѣнка на гробъ убитаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился о посылкѣ такого вѣнка отъ имени столько же профессоровъ, сколько и учащихся. О его поведеніи — въ превратной, разумѣется, версіи, — доведено было до свѣдѣнія Государя, а тѣ, кто въ это время за вѣдывалъ интересами просвѣщенія, поспѣшили отставить его отъ службы, лишая такимъ образомъ древнѣйшій университетъ одного изъ его лучшихъ лекторовъ и въ то время наиболѣе выдающагося у насъ знатока римскаго права, ученика и послѣдователя знаменитаго Іеринга. Тѣ изъ насъ, кто всего сильнѣе чувствовали все значеніе понесенной нами утраты, позволили себѣ сдѣлать соотвѣтственное заявленіе на собраніи университетскаго совѣта. На слѣдующій же день мы призваны были къ попечителю, графу Капнисту, для выслушанія выговора. Графъ сообщилъ мнѣ, что выполняетъ въ этомъ отношеніи только волю министра Делянова; но на мою просьбу сообщить мнѣ текстъ полученной имъ телеграммы послѣдовалъ отвѣтъ, что она слишкомъ грубо написана.

Отставка Муромцева вызвала большое недовольство въ близкихъ къ университету кругахъ. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ поспѣшилъ принять его просьбу о включеніи въ сословіе, на что Муромцеву, какъ и многимъ изъ насъ, давало право пятилѣтнее пребываніе въ числѣ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Вскорѣ Сергѣй Андреевичъ выдѣлился изъ среды своихъ товарищей по адвокатурѣ не столько внѣшнимъ даромъ слова, сколько глубокимъ знакомствомъ съ гражданскимъ правомъ. Его дѣятельность сосредоточилась все болѣе и болѣе на консультаціяхъ. Въ матеріальномъ отношеніи его трудъ сталъ вознаграждаться въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ во время пребыванія въ университетѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ при первой же возможности, которая представилась ему, какъ и мнѣ, не ранѣе, какъ двадцать лѣтъ спустя со времени вынужденной отставки, поспѣшилъ вернуться къ профессорской дѣятельности въ Москвѣ. Ожило снова и московское юридическое общество. Мнѣ остается пожалѣть только объ одномъ, что во главѣ его не стоитъ его

прежній предсѣдатель; вѣдь судьбы обоихъ сошлись весьма близко и разрубить связь между ними едва ли кому удастся.

Я обзрѣлъ, насколько это исполнимо въ короткомъ очеркѣ, каковъ настоящій, дѣятельность тѣхъ обществъ, которыя стояли подъ сѣнью московскаго университета и обеспечивали его членамъ возможность частью популяризировать науки, ими культивируемыя, частью содѣйствовать ихъ росту. Послѣднее выраженіе не кажется мнѣ слишкомъ смѣлымъ. Труды моихъ товарищей по археологіи, этнографіи, статистикѣ, юриспруденціи и политической экономіи, труды, обыкновенно облекаемые на первыхъ порахъ въ скромную форму сообщеній, сдѣланныхъ въ тѣсномъ кругу товарищей по занятіямъ, и напечатанные затѣмъ въ спеціальныхъ журналахъ и изданіяхъ, перерабатывались затѣмъ въ книги и обогащали серьезными вкладами нашу научную литературу. Пройденъ былъ уже тотъ періодъ, когда написанныя для полученія степени диссертациі исчерпывали собою весь поступавшій на книжный рынокъ ученый товаръ. Къ диссертациямъ прибавились менѣе корыстные работы, заявившія почетное мѣсто рядомъ, а нерѣдко и выше ихъ. Если въ настоящее время я не затрудняюсь болѣе рекомендовать моимъ слушателямъ непосредственное ознакомленіе съ той или другой частью моего курса на основаніи русскихъ монографій и статей русскихъ періодическихъ изданій, то потому, что въ послѣднія два царствованія, какъ и въ настоящее, появилось немало переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій по государственному праву, экономикѣ, социологіи, сравнительной юриспруденціи, исторіи культуры и многимъ другимъ предметамъ, знакомство съ которыми необходимо и обществу, и юристу. Насколько подвинулась, вопреки всѣмъ нападкамъ, русская юридическая литература съ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, къ которымъ относится начало моей профессорской дѣятельности, можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру. Когда я выступилъ преподавателемъ, по исторіи русскаго права имѣлся всего одинъ печатный курсъ—Михайлова. О его совершенной негодности едва-ли нужно распространяться. Курсъ лекцій проф. Бѣляева напечатанъ былъ уже послѣ моего вступленія въ университетъ, проф. Петровскимъ. Тѣ, кто занимался преподаваніемъ исторіи русскаго права, могли отсылать своихъ слушателей только къ немногимъ монографіямъ. Въ настоящее время мы имѣемъ болѣе полудесятка обстоятельныхъ курсовъ и рядъ такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ „Древности русскаго права“ проф. Сергѣевича или „Боярская Дума“ Ключевского. Наша юридическая литература въ этомъ отношеніи можетъ по-

спорить съ французской, которая въ 70-хъ годахъ также имѣла всего-на-всего одно сочиненіе, охватывавшее далеко неполно всѣ періоды юридической жизни Франціи: я разумѣю многотомное сочиненіе Лаферьера. Въ настоящее время первый совѣтъ, получаемый иностранцемъ, желающимъ познакомиться съ судьбами французскаго права—это отложить въ сторону Лаферьера и заняться тѣми недавними трудами, которые сѣумѣли въ сжатомъ видѣ представить самостоятельную разработку матеріаловъ, содержащихся въ *coutumiers*, т.-е. въ сборникахъ мѣстныхъ обычаевъ, восходящихъ нерѣдко къ XII-му вѣку, нормы которыхъ только отчасти вошли въ составъ обнародованныхъ Наполеономъ кодексовъ. Приходится читать теперь Глассона, Бриссо, Віолэ и Флака, писателей такъ же много сдѣлавшихъ для исторіи французскаго права, какъ Метландъ и Виноградовъ—для англійскаго, Сергѣевичъ и Владимирскій-Будановъ—для русскаго.

Возьмемъ и другія науки, преподаваемые на юридическихъ факультетахъ. Старые учителя, въ родѣ Крылова, Бабста и Мильгаузена, не печатали своихъ курсовъ. Новые грѣшили въ обратную сторону, спѣша предать тисненію все преподаваемое ими съ каеодры. Изъ массы обнародованныхъ такимъ образомъ пособій нѣкоторыя уцѣлѣли, такъ какъ удѣльный вѣсъ ихъ былъ значителенъ. Назову для примѣра „Гражданское право древняго Рима“ Муромцева, „Курсъ политической экономіи“ А. И. Чупрова, „Курсъ финансоваго права“ Янжула—все курсы, читанные въ Москвѣ, а изъ не-московскихъ—курсы „Государственнаго права“ Градовскаго и Коркунова, курсъ политической экономіи Исаева, въ обработанномъ видѣ уже выдержавшій шесть изданій. Ознакомленіе съ предметами факультетскаго преподаванія стало возможнымъ нынѣ и безъ посѣщенія лекцій; этимъ въ значительной степени объясняется отливъ студенчества если не отъ университетовъ, то отъ аудиторій. То же явленіе еще рѣзче выступаетъ на Западѣ, особенно во Франціи и Англіи. На превосходныхъ даже съ внѣшней стороны конференціяхъ, читаемыхъ въ Сорбоннѣ или *Collège de France*, рѣдко насчитываютъ сотню слушателей, да и изъ нихъ добрая часть—иностранцы. То же можно сказать и о школѣ правовѣдѣнія въ Парижѣ. Но нигдѣ я не былъ такъ пораженъ пустотою аудиторій, какъ въ старинныхъ университетахъ Англіи. Въ Оксфордѣ на лекціяхъ Фримана или Мэна не сидѣло болѣе десятка слушателей, а когда извѣстный историкъ „земледѣлія и цѣны въ Англіи“, Торольдъ Роджерсъ, вздумалъ читать о колебаніяхъ цѣны на серебро—одномъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ экономической исторіи новаго времени и въ осо-

бенности эпохи, слѣдовавшей на нѣкоторомъ разстояніи за открытіемъ американскаго материка, эпохи такъ называемой революціи въ цѣнахъ,—аудиторія почтеннаго ученаго свелась къ пяти-шести лицамъ. Этотъ повсемѣстный упадокъ числа посѣтителей лекцій и вызывающую его причину надо принять во вниманіе, прежде чѣмъ отождествлять его, какъ это дѣлають у насъ, съ упадкомъ университета и уровня университетскаго преподаванія.

III.

Я обѣщалъ поговорить и о московскихъ кружкахъ, собиравшихся какъ при редакціяхъ, такъ и у частныхъ лицъ, общественныхъ дѣятелей, профессоровъ и педагоговъ. Центральной фигурой въ редакціи „Русской Мысли“ былъ долгое время Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ—владѣлецъ небольшого помѣстья, математикъ по образованію, славянофилъ, захваченный освободительнымъ и демократическимъ духомъ времени, драматическій критикъ и страстный поклонникъ Шекспира, человѣкъ отзывчивый и добрый въ самомъ прямомъ и возвышенномъ значеніи этого слова. Для всѣхъ доступный, всѣмъ интересующійся, Юрьевъ готовъ былъ по часамъ спорить о предметѣ, такъ или иначе задѣвающимъ судьбы Россіи, славянскаго міра, а то и всего человѣчества. У него были любимыя темы, напр. „о хоровомъ началѣ“, будто бы присущемъ православію въ такой же мѣрѣ, какъ славянству вообще и русскому народу въ частности. Прежде чѣмъ сдѣлаться редакторомъ „Русской Мысли“, онъ нѣкоторое время издавалъ журналъ съ славянофильскимъ направленіемъ, при денежной поддержкѣ А. И. Кошелева. Въ славянофильскомъ лагерѣ Юрьевъ представлялъ лѣвое крыло. Только „всенародное“ и „всесвободное“ могло разсчитывать на его симпатіи. Онъ любилъ сельскую общину, какъ продуктъ народнаго творчества. По той же причинѣ онъ возился съ артелью, кустарными промыслами, русскимъ сектантствомъ—всѣмъ тѣмъ, въ чемъ проявилась созидательная дѣятельность русскаго человѣка. Но Юрьеву не чуждо было и всечеловѣческое, опять-таки подъ условіемъ, чтобы это всечеловѣческое не было вопросомъ моды, вопросомъ подражанія, а продуктомъ созидающей мысли. Онъ любилъ повторять о Шекспирѣ, что цѣнить его, какъ вызвавшаго къ жизни, подобно Богу, цѣлый міръ изъ ничего. Какъ всѣ искренніе люди Юрьевъ былъ упрямъ въ отстаиваніи своихъ мыслей

и неподатливъ въ спорахъ, по крайней мѣрѣ въ случаяхъ перенесенія ихъ на бумагу. Вотъ почему мы часто расходились съ нимъ во взглядахъ, продолжая въ то же время оставаться въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Но такъ какъ оба мы были принципиальны, а потому и упрямы, то моихъ статей за его редакторство въ „Русской Мысли“ появилось немного.

Что касается до другой редакціи, „Русскихъ Вѣдомостей“, то она была въ рукахъ тѣснаго кружка, вложившаго въ нее болѣе умственнаго, чѣмъ иного капитала, и выручавшаго изъ собственныхъ статей и средства къ покрытію жизни, и средства къ расплатѣ съ кредиторами газеты. Въ такихъ условіяхъ редакція не нуждалась въ литературныхъ батракахъ, какъ она нуждается въ нихъ теперь. Руководившіе газетой люди были сами кустари-производители. Этимъ и объясняется небывалый еще въ Москвѣ успѣхъ газеты, не имѣвшей за собою ничего, кромѣ хорошей освѣдомленности и литературнаго таланта своей постоянной редакціи. Столбцы газеты открывались лицамъ, стоявшимъ внѣ редакціи, только тогда, когда они являлись своего рода специалистами и одни могли доставить желательный матеріалъ по извѣстному вопросу. Вотъ почему „Русскія Вѣдомости“ охотно печатали мои „Письма изъ Америки“ или разсужденія по какому-нибудь вопросу государственнаго права, но постояннымъ ихъ сотрудникомъ я никогда не былъ, по крайней мѣрѣ въ годы моего пребыванія въ Москвѣ. Да и не было бы у меня времени къ тому. Кружковая жизнь предъявляла посягательство на вечерніе и ночные часы въ гораздо большей степени, чѣмъ теперь, когда въ 11 часовъ я обыкновенно уже въ постели.

Московскіе салоны, по крайней мѣрѣ литературные, доживали въ мое время свои послѣдніе годы. Индустріальный міръ Москвы еще не задавался тогда мыслью о собесѣдованіяхъ на экономическія и соціальныя темы, какъ онъ дѣлаетъ это теперь. Чужда ему была и мысль о поддержкѣ какихъ-нибудь изданій, если эти изданія не служили прямо затрогивающимъ его задачамъ. У нѣкоторыхъ красавицъ изъ этого круга собирались для танцевъ, даже больше, чѣмъ для карточной игры, и вечеръ заканчивался веселымъ и обильнымъ ужиномъ.

Собирали у себя для бесѣдъ о политикѣ только нѣкоторые удѣлѣвшіе эпитоны стараго западничества и стараго славянофильства. Мнѣ всего чаще приходилось бывать у А. И. Кошелева. Здѣсь я находилъ И. Аксакова, Д. Самарина, генерала Черняева, Хомяковыхъ, Хвостовыхъ, а изъ молодыхъ моихъ товарищей, въ числѣ другихъ, Вл. Соловьева. Изъ дамъ мнѣ по-

мнится всего болѣе О. А. Новикова. Отъ нея получались извѣстія, свѣже-пришедшія изъ Англіи, письма отъ Гладстона и ближайшей къ нему среды. За ужиномъ много говорили о Бисмаркѣ и сомнѣвались въ его честномъ маклерствѣ въ славянскихъ и русскихъ дѣлахъ; доставалось кн. Горчакову и гр. Шувалову за ихъ дѣйствительное или мнимое неумѣнье отстоять наши интересы отъ корыстолюбивой Англіи и ея новаго Пальмерстона—Дизраэли. Критиковали также Валуева и вообще министровъ, уже въ то время мудрившихъ надъ крестьянствомъ или собиравшихся мудрить надъ нимъ, затѣвавшихъ, напримѣръ, походъ противъ сельской общины, этой славянофильской святыни. Защиту отъ бюрократіи находили въ салонѣ Кошелева и университетскій уставъ 1863-го года, и земскія учрежденія, и новые еще въ то время суды. Направленіе разговоровъ въ общемъ было либеральное, а отношеніе хозяина — въ высшей степени терпимое. Онъ отдавалъ визиты самымъ даже молодымъ изъ насъ и провелъ за недѣлю передъ смертью цѣлыхъ три часа съ глазу на глазъ со мною, съ жаромъ говоря противъ рѣзко выступавшаго уже похода Каткова на реформы, ознаменовавшія собою первую половину царствованія Александра II. Когда этотъ почтенный человѣкъ умеръ, мы собрались проводить его тѣло на кладбище съ вѣнками въ рукахъ; но полиція запретила столь торжественное шествіе. Это чуть ли не первый случай, когда на вѣнки объявлено было гоненіе. На похоронахъ Тургенева пастъ заставили идти только окольными улицами къ кладбищу, да полицеймейстеръ Грессеръ вырвалъ изъ рукъ какихъ-то двухъ дамъ небольшой вѣнокъ съ надписью: „отъ заживо погребенныхъ“.

Послѣ смерти Кошелева я все чаще и чаще сталъ бывать въ другомъ домѣ—въ домѣ графа А. М. Олсуфьева и его чарующей своимъ тактомъ, умѣньемъ принимать и вести бесѣду, жены Анны Михайловны, рожденной Оболяниновой. Въ домѣ Олсуфьевыхъ часто можно было встрѣтить и Л. Н. Толстого, со всей его семьей. Молодые Толстые учились въ тѣхъ же гимназіяхъ и университетѣ, что и молодые Олсуфьевы. Посѣщалъ вечера у Олсуфьевыхъ и художникъ Ге, и профессоръ Усовъ, и мой другъ Стороженко со своей молодою женою. Левъ Николаевичъ только-что пережилъ въ это время тотъ душевный кризисъ, который изъ художника русскаго слова и творца литературныхъ образовъ и типовъ сдѣлалъ изъ него русскаго и всесвѣтнаго мудреца. Онъ очень искренно и горячо относился къ своей новой миссіи, открыто проповѣдовалъ ученіе о непротивленіи злу силой, не допускалъ ни въ комъ критическаго отношенія къ своей новой

доктринѣ, громилъ науку и положительную философію и вышучивалъ ея ревнителей, нерѣдко доводя свой голосъ до высокаго діапазона. Мнѣ раза два пришлось ужинать у него. Въ то время онъ еще ѣлъ мясо и получалъ индѣекъ и другую живность изъ тульской деревни. Особенно памятна осталась мнѣ эта индѣйка. Я едва могъ справиться съ кускомъ, попавшимъ мнѣ на тарелку, такъ какъ гостепріимный хозяинъ распиналъ меня за пристрастіе къ Спенсеру, увѣряя, что не знаетъ ничего подлѣе спенсеровскаго альтруизма. Вызвана же была вся эта буря тѣмъ, что я позволилъ себѣ назвать религію графа просто нравственнымъ ученіемъ, не представляя себѣ религіи безъ догматовъ. Не только вышедшая вскорѣ „Исповѣдь“, но и все, что было написано впослѣдствіи Львомъ Николаевичемъ по вопросамъ религіи, какъ мнѣ кажется, вполне оправдало мое утвержденіе. Левъ Николаевичъ не взлюбилъ меня. Графиня Олсуфьева впослѣдствіи сообщала мнѣ съ глазу на глазъ, что Толстому не нравится моя нижняя губа; она придаетъ моему лицу насмѣшливое выраженіе. Я имѣлъ случай видѣть не разъ, что мои попытки вставить слово въ общій разговоръ, его касавшійся, ему были непріятны. При повтореніи въ его присутствіи — кажется, Ге, — доктрины о непротивленіи злу силой я какъ-то замѣтилъ, что Милль сомнѣвается въ способности французовъ стать свободными между прочимъ потому, что они сами не раздѣляются съ паруси телями мира, предпочитая предоставить расправу съ ними полицейскимъ комиссарамъ. Толстой демонстративно вышелъ изъ гостиной. Горячіе споры велъ Толстой и съ Усовымъ, который не уступалъ ему ни шагу, и не столько спорилъ, сколько вышучивалъ, доводя до абсурда обновленную Толстымъ доктрину пассивнаго противодѣйствія „мольбами и слезами“. Такъ какъ я не былъ въ числѣ любимцевъ автора „Войны и Мира“, то не попалъ и на то достопамятное собесѣдованіе, на которомъ со званные имъ экономисты высказали сомнѣніе насчетъ нѣкоторыхъ взглядовъ Льва Николаевича на природу денегъ. Это собраніе, какъ, вѣроятно, рассказано въ чьихъ-нибудь мемуарахъ, кончилось нѣкоторой непріятностью. Толстой прекратилъ знакомство съ тѣми, кто находилъ оправданіе его ошибкамъ въ недостаточномъ изученіи имъ политической экономіи, и сохранилъ пріятельскія отношенія только съ Янжуломъ, ограничившимъ свой протестъ одной зѣвотой. Держа себя болѣе или менѣе заботкой съ нашимъ братомъ — профессорами, Левъ Николаевичъ былъ трогательно мягокъ въ оцѣнѣ литературныхъ трудовъ и начинающихъ писателей, и тѣхъ, которые, не пропѣвъ за всю

свою жизнь ни разу соловьемъ, складывали прощальную лебединую пѣсню. Какъ-то мы были позваны къ Стороженко — выслушать не то переводъ стихами какой-то романтической польской поэмы, не то продукты собственного творчества стараго уже и мало извѣстнаго поэта. Толстой не только все время выслушивалъ благодушно невозможно-скверное чтеніе убѣленнаго сѣдинами стихотворца, но и отмѣчалъ иногда красоту той или другой рѣшмы, того или другого выраженія. Только попавши въ кабинетъ для куренія на затѣянный мною разговоръ о Мопассанѣ, онъ остроумно замѣтилъ, что переходъ къ его твореніямъ отъ только-что прослушанной романтики не лишенъ нѣкоторой пріятности. Редакція „Русскихъ Вѣдомостей“ не разъ жаловалась на то, что Толстой рекомендуетъ ей молодыхъ писателей безъ всякаго таланта. Одинъ изъ редакторовъ придумалъ даже практическое средство заставить Толстого взять обратно принесенную имъ чужую рукопись: онъ просилъ Льва Николаевича немедленно прочесть ее вслухъ. Чтеніе не всегда доходило до конца: художникъ бралъ верхъ въ Толстомъ надъ добрымъ человѣкомъ и снисходительнымъ критикомъ. Левъ Николаевичъ соглашался, что доставленный имъ рассказъ нуждается въ исправленіяхъ, уносилъ рукопись съ собою, и новому произведенію такъ и не суждено было появиться на свѣтъ. Къ Толстому уже въ то время стали пріѣзжать издалека для философскихъ бесѣдъ, но не такъ, какъ теперь, съ цѣлью выслушать его проповѣдь, а для того, чтобы сдѣлать попытку обратить его самого въ свою вѣру. Прибылъ къ нему однажды и русскій контистъ Фрей, прямо изъ Лондона. Я знавалъ англійскихъ послѣдователей Огюста Конта, а потому Фрей выразилъ Льву Николаевичу желаніе встрѣтиться у него со мной. Толстой позвалъ меня и мы провели вечеръ втроемъ. Отъ этого вечера сохранилось въ моей памяти нѣсколько анекдотическихъ воспоминаній. Когда Фрей сталъ хвалить Конта за нѣкоторые изъ его нравственныхъ афоризмовъ, между прочимъ за слѣдующій: „живите какъ въ стеклянномъ домѣ“, т.-е. такъ, чтобы всѣ могли видѣть ваше поведеніе“, Левъ Николаевичъ согласился, что мысль прекрасна, по поспѣшилъ прибавить: „она не нова, а взята на прокатъ у такого-то китайскаго мыслителя“. Фрей не повѣрилъ. Пошли искать у китайца, разумѣется, въ англійскомъ переводѣ; долго искали чего-нибудь подходящаго, но не нашли. Толстой продолжалъ, однако, утверждать, что изреченіе, подобное Контову, несомнѣнно имѣется у китайца и только не попадаетъ ему на глаза. Я припомнилъ этотъ анекдотъ съ цѣлью показать, что

уже въ то время Левъ Николаевичъ интересовался религіозными мыслителями всѣхъ временъ и народовъ и могъ бы приступить къ издавію той „Книги для чтенія“, въ которой, рядомъ съ собственными, онъ приводитъ выдержки изъ писателей всѣхъ литературъ, разъ въ нихъ имѣются положенія, близкія ему по духу. Въ это же время Толстой былъ занятъ критикой Евангелій. Несогласіе во взглядахъ, кажется, на антихриста, было причиной, что онъ разошелся съ Вл. Соловьевымъ. Въ одномъ изъ его позднѣйшихъ сочиненій я нашелъ фразу, начинавшуюся словами: „истинно злые люди, какъ В. Соловьевъ и Аксаковъ, говорятъ то-то и то-то“. Толстой не могъ простить Соловьеву, между прочимъ, защиты послѣднимъ войны, защиты въ духѣ Гегеля, и за это, больше чѣмъ за инья разногласія, отнесъ его къ истинно злымъ людямъ. Соловьевъ же, какъ мнѣ пришлось слышать, не прощалъ Толстому его пріемовъ обращенія съ текстами и всей его экзегетической критики. Врагомъ войны Толстой выступалъ рѣшительно уже въ годы моего знакомства съ нимъ. Когда я спросилъ его о впечатлѣніи, произведенномъ на него Деруладомъ, посѣтившимъ его въ Ясной Полянѣ, я въ отвѣтъ услышалъ слова: „дикій галлъ!“ Сколько Толстой ни подавлялъ въ себѣ порывовъ къ литературной работѣ, — увѣряя, напримѣръ, меня, что всякое упоминаніе о его романахъ производитъ на него то же впечатлѣніе, какое на собаку ея блевота, — художникъ все же не могъ въ концѣ концовъ не поддаться своему природному влеченію, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи облечь свою новую проповѣдь въ художественную форму. А какъ переживалъ онъ лично все имъ написанное, — объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Какъ-то, вернувшись изъ Парижа, я пришелъ къ Толстому дать отчетъ въ исполненіи его порученія. Толстой былъ одинъ и встрѣтилъ меня привѣтливо: „Ахъ, я такъ радъ вамъ сегодня, — замѣтилъ онъ и со своей обычной искренностью тутъ же прибавилъ: — я былъ бы радъ и всякому другому, всякому, кто далъ бы мнѣ возможность отдѣлаться отъ мысли объ этой ужасной смерти“. Нѣсколько дней спустя я узналъ, что накануне нашего свиданія Левъ Николаевичъ закончилъ „Смерть Ивана Ильича“.

Семья Олсуфьевыхъ была изъ немногихъ помѣщичьихъ семей, озабоченныхъ мыслію о заведеніи школы и больницы для крестьянъ. Докторъ Дубраво, завѣдывавшій этой больницей до смерти, былъ изъ числа тѣхъ прямыхъ, честныхъ и нѣсколько грубыхъ натуръ, которыя рѣжутъ людямъ правду въ глаза, напоминая имъ ежечасно объ ихъ обязанностяхъ. Во время турецкой кам-

чаніи онъ далъ пощечину одному военному, заявлявшему, быть-можетъ шута, что не вернется съ войны безъ набитаго кармана. Такъ же опредѣленно и смѣло онъ говорилъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ членамъ семьи Олсуфьевыхъ объ ихъ долгѣ передъ русскимъ народомъ. Теперь, когда мнѣ приходится съ удовольствіемъ слѣдить за тѣмъ, какъ графъ Дмитрій Адамовичъ отстаиваетъ право русскихъ крестьянъ опредѣлять самимъ свои экономическія судьбы, высказываясь и за свободу мірскихъ передѣловъ, пока отъ нея не откажутся сами заинтересованные въ нихъ, и за нераздѣльное владѣніе всей крестьянской семьей ея надѣла, мнѣ приходитъ на умъ вліяніе, оказанное на него въ возмужалости—Л. Н. Толстымъ, а въ дѣтствѣ—докторомъ Дубраво. Это послѣднее вліяніе было замѣтно и на сестрѣ графа, Елизаветѣ Адамовнѣ, выдающейся русской дѣвушкѣ, получившей солидное математическое образованіе дома, безъ посѣщенія какой-либо гимназіи. Пренебрегая свѣтскими удовольствіями, она всѣмъ сердцемъ посвятила себя заботамъ о крестьянахъ ихъ подмосковнаго имѣнія „Никольское“. Я посѣтилъ его однажды зимою по приглашенію гостепріимныхъ хозяевъ и провелъ здѣсь нѣсколько дней въ обществѣ Л. Н. Толстого. Я нашелъ въ имѣніи не только прекрасную школу съ двумя учителями, содержимую на средства графской семьи, но и больницу, въ которую принимались даромъ нуждающіеся во врачебной помощи крестьяне всей округи. Этой больницей завѣдывалъ до своей смерти докторъ Дубраво, а впослѣдствіи врачи московскаго университета, посланные предварительно на годъ для ознакомленія съ устройствомъ больницъ за границей. Докторъ Дубраво, какъ жилъ, такъ и умеръ строгимъ слугою своего долга. Позванный однажды въ крестьянскую семью, онъ нашелъ въ ней ребенка въ дифтеритѣ. Положеніе было опасное. По разсѣянности докторъ забылъ захватить съ собою нужную ему при операціи трубочку. Долго не думая, онъ замѣнилъ ее собственными губами. Послѣдствіемъ получилась зараза и смерть. Передъ кончиной онъ собралъ всю семью Олсуфьевыхъ и, сколько позволяли ему силы, напомнилъ имъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ народу. Это поученіе не было забыто Елизаветой Адамовной. Больница осталась предметомъ ея постоянной заботливости. Ея преждевременная кончина также вызвана была посѣщеніемъ ею всѣхъ нуждающихся въ помощи. Ухаживая за тифозной больной, она сдѣлалась сама жертвою злого недуга и умерла молодой, къ отчаянію отца и матери, вскорѣ послѣдовавшихъ за нею въ могилу.

Я сохранилъ обо всей семьѣ Олсуфьевыхъ память, какъ обѣ истинно добрыхъ людяхъ, проникнутыхъ сознаніемъ своихъ обязанностей. Кто прожилъ, подобно мнѣ, шесть десятковъ лѣтъ, тотъ въ правѣ сказать, что такіе люди попадаются не часто.

Посѣщеніе салоновъ было для насъ сравнительной роскошью. Мы чаще сходились другъ у друга—у Янжула по воскресеньямъ, у меня, если не ошибаюсь—по четвергамъ. Былъ свой день и у Усовыхъ. Вѣрнѣе сказать, все это были не дни, а вечера, начинавшіеся поздно и продолжавшіеся долго за полночь. Вечеръ не заканчивался, а только прерывался ужиномъ. Многіе пріѣзжали прямо къ нему, а начинавшаяся за нимъ бесѣда длилась иногда до трехъ часовъ утра. Для хозяина особенно страшны были гости, выпавшіеся до ужина. Извѣстный Головачевъ, не замѣчая ухода другихъ посѣтителей, продолжалъ бесѣдовать со мною о земствѣ и желѣзныхъ дорогахъ нерѣдко до четырехъ часовъ утра. Ни неопредѣленность отвѣтовъ, ни моя зѣвота, не мѣшали ему развивать свои мысли по этимъ двумъ облюбованнымъ имъ темамъ. Сходились разъ или два раза въ недѣлю люди между собою близкіе, у Янжула и Усова—со своими женами и дочерьми, у меня—безъ этого придатка. Послѣдствіемъ было то, что разговоръ невольно переходилъ на моихъ вечерахъ отъ частныхъ темъ къ общимъ. Политика далеко не составляла единственнаго предмета обсужденія. Спорили и о вопросахъ теоретическихъ, научныхъ и литературныхъ. Петербуржцы и, въ меньшей степени, иностранцы также не разъ показывались на этихъ собраніяхъ. Я имѣлъ счастье чествовать И. С. Тургенева, и отъ этого бавкета, устроеннаго въ скромномъ помѣщеніи, сохранилась у меня память благодаря полученной отъ Тургенева на слѣдующій же день записки: „А вчерашній вечеръ надолго останется въ моей памяти, какъ нѣчто еще небывалое въ моей жизни“. Небывалою Тургеневу показалась сердечность, съ какой молодые преподаватели старѣйшаго университета чествовали въ немъ, авторѣ „Нови“, искренняго и любящаго наставника. Развитіе этой мысли и составило предметъ моего тоста. За него я получилъ отвѣдъ и отъ нѣкоторой части болѣе радикально настроеннаго студенчества, и отъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Встрѣтившись со мною впервые въ Парижѣ, Салтыковъ сказалъ мнѣ: „Такъ вы—тотъ молодой человѣкъ, который благодарилъ Тургенева за то, что онъ ваше поколѣніе выставляетъ дураками“ (очевидно, намекъ на Нежданова Тургеневской „Нови“).

Кого только не перебывало на моихъ четвергахъ! Я могу

припомнить теперь въ числѣ посѣтителей, помимо большинства профессоровъ университета, и Кавелипа, и Кистяковского, и Златовратскаго, и Шелгунова, и Эртеля, и всего чаще П. Д. Боборыкина. Миѣ не приходилось встрѣчать между русскими беллетристами, за исключеніемъ развѣ Тургенева, человѣка, такъ страстно относящагося къ вопросамъ, повидимому далеко стоящимъ отъ художественнаго творчества. Благодаря своей разнообразной научной подготовкѣ (Боборыкинъ обучался въ Дерптѣ естественнымъ наукамъ, перевелъ одно изъ классическихъ руководствъ по химіи, занимался психологіей и выдержалъ экзаменъ на юридическомъ факультетѣ), благодаря, повторяю, своему энциклопедическому образованію, полученному еще въ ранней молодости, продолжительному пребыванію за границей, откуда онъ посылалъ письма (изъ Франціи и Испаніи) въ „Петербургскія Вѣдомости“ Корша, наконецъ благодаря рѣдкой отзывчивости и легкой возбуждаемости, Боборыкинъ всего болѣе призванъ къ публицистической дѣятельности. Въ другой странѣ, при иныхъ условіяхъ цензуры и иныхъ государственныхъ порядкахъ, его слѣдовало бы поставить во главѣ бойкой газеты съ широко-либеральной программой или послать представителемъ въ Государственную Думу. Потеряли бы отъ этого, быть можетъ, только будущіе историки, для которыхъ романы Боборыкина, какъ взятые изъ жизни и даже нерѣдко сфотографированные съ нея (таково, по крайней мѣрѣ, обычное обвиненіе), послужатъ весьма цѣннымъ матеріаломъ.

Не столько у меня, сколько у моего пріятеля Иванюкова, въ то время профессора въ Петровской земледѣльческой академіи, я встрѣчался и съ Н. К. Михайловскимъ, и съ Г. И. Успенскимъ. Миѣ пришлось однажды провести цѣлый мѣсяцъ въ ихъ обществѣ на Кавказѣ, въ Кисловодскѣ. Михайловскій не былъ изъ числа людей, охотно дѣлившихся своими мыслями. Онъ припрятывалъ ихъ для статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а позднѣе въ „Русскомъ Богатствѣ“. Успенскій, наоборотъ, въ разговорѣ сѣялъ остротами и образами, не боясь того, чтобы собесѣдникъ воспользовался ими ему въ ущербъ. Михайловскій избалованъ былъ успѣхомъ и ждалъ при встрѣчѣ почтительнаго, а можетъ-быть и заискивающаго къ себѣ отношенія. Успенскій же былъ необыкновенно простъ и возмущался всякимъ желаніемъ къ нему приладиться, завоевать его расположеніе, ну хотя бы подчеркиваніемъ его особенно мѣткихъ характеристикъ и словечекъ или усиленнымъ смѣхомъ, когда онъ рассказывалъ что-нибудь забавное. Михай-

ловскій не любилъ возраженій. Успенскій искалъ ихъ. Въ Михайловскомъ можно было отмѣтить человѣка, много читавшаго и для котораго немало вопросовъ казались рѣшенными разъ навсегда. Успенскій, наоборотъ, производилъ впечатлѣніе постоянно думающаго самостоятельно и ищущаго въ бесѣдѣ отвѣта на многіе вопросы, не разъясненные ему книгами. Въ отношеніи Михайловскаго къ людямъ, посвящавшимъ себя педагогической дѣятельности, замѣтна была нѣкоторая предвзятость. Они, молъ, читаютъ лекціи повиннымъ слушать ихъ студентамъ, а мы пишемъ для добровольныхъ читателей. Успенскій, наоборотъ, не устанавливалъ никакого различія между людьми по ихъ профессіямъ, интересовался ими самими и ихъ особенностями. Михайловскому, впрочемъ, было не до бесѣдъ. Немногіе свободные часы онъ любилъ проводить въ дамскомъ обществѣ и, какъ я однажды выразился, вертѣтъ буркулами, т.-е. производить впечатлѣніе не однимъ мягкимъ голосомъ, но и прекрасными, выразительными глазами. Успенскому, которымъ идеальныя дѣвушки необыкновенно увлекались, вплоть до желанія поступить къ нему въ служанки, не было другой заботы, какъ отдѣлаться отъ нихъ вѣжливо, такъ сказать „съ пріятностью“, доставляя имъ въ то же время возможность удовлетворенія съ другими ихъ умственныхъ и душевныхъ запросовъ. Много трогательнаго было въ отношеніяхъ этихъ двухъ людей другъ къ другу. Михайловскій ходилъ за Успенскимъ какъ нянька, а Успенскій держался по отношенію къ нему какъ капризный ребенокъ. При всемъ расхожденіи моемъ во взглядахъ съ Михайловскимъ, не столько въ вопросахъ житейскихъ, сколько въ вопросахъ научнаго метода и общественной доктрины, я сохранилъ о немъ добрую память, какъ о человѣкѣ весьма опредѣленныхъ воззрѣній, добросовѣстномъ, строго относящемся къ своимъ задачамъ писателѣ и критикѣ. Михайловскаго нельзя сравнивать по таланту съ Писаревымъ, но какая бездна отдѣляетъ его подготовленность отъ поверхностнаго отношенія Писарева къ поднимаемымъ имъ вопросамъ. Человѣка, который бы такъ широко понималъ задачи литературной критики, какъ Михайловскій, со временъ Чернышевскаго и Добролюбова не было у насъ, да и не оказалось и съ его смертью. Ни Овсянико-Куликовскій, ни Н. Котляревскій, не затрагиваютъ въ своихъ статьяхъ и трети вопросовъ, получавшихъ посильный отвѣтъ отъ Михайловскаго. Ихъ знанія въ области языковѣдѣнія и сравнительной литературы, можетъ-быть, больше; психологическій анализъ Куликовскаго несомнѣнно глубже, но ни о немъ, ни о Котляревскомъ, нельзя въ строгомъ

смыслъ слова говорить, какъ о людяхъ энциклопедически образованныхъ, а эта черта несомнѣнно была присуща Михайловскому.

Чѣмъ дольше я жилъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе и болѣе расширялся кругъ моихъ личныхъ друзей и пріятелей. Изъ адвокатовъ я близко сошелся съ Вл. Ив. Танѣевымъ, одно время старшиною присяжныхъ повѣренныхъ. Это человѣкъ широкой начитанности, интересовавшійся въ то время социальнымъ вопросомъ, какъ нынѣ—неминуемымъ торжествомъ желтой расы. Онъ прекрасно владѣлъ слогомъ, жестоко критиковалъ тотъ, какимъ мы пишемъ, печаталъ въ газетахъ только изрѣдка статьи, съ посвященіемъ себѣ самому, и доселѣ не закончилъ своего общаго разсужденія о будущихъ судьбахъ человѣчества. При значительной начитанности, при умѣнны собирать у себя людей, которымъ пріятно быть вмѣстѣ, при большомъ выборѣ въ знакомствахъ и откровенной рѣзкости въ сужденіяхъ о людяхъ и событіяхъ, Танѣевъ несомнѣнно въ другой обстановкѣ сдѣлался бы центромъ вліятельной политической партіи, которая бы оставила слѣды въ судьбахъ нашей родины. Въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ намъ приходилось жить въ то время, изъ него выработался неудовлетворенный средою, иногда негодующій, обыкновенно же скучающій философъ.

Довольно поздно, уже послѣ моего возвращенія изъ двухлѣтнихъ странствій по Европѣ, я сошелся съ двумя людьми, остающимися моими пріятелями и по настоящій день. Одинъ изъ нихъ—Иванюковъ, одно время министръ финансовъ въ освобожденной нами Болгаріи. Ему обязаны жители теперешняго царства отмѣной подушной подати. Проѣздомъ черезъ Варшаву онъ женился на своей отдаленной родственницѣ. Оба молодые супруга своей обходительностью, своей горячей отзывчивостью къ людямъ и событіямъ, вскорѣ сдѣлались центромъ кружка, посѣщаемого особенно охотно весною и лѣтомъ, благодаря близости ихъ казенной квартиры къ Петровско-Разумовскому парку. Л. Н. Толстой одно время пріѣзжалъ къ нимъ верхомъ. Проѣздомъ черезъ Москву Михайловскій, Шелгуновъ, Успенскій и, разумѣется, Боборыкинъ, приняты были у нихъ какъ свои люди. За столомъ можно было встрѣтить красавицъ, за которыми, не ссорясь между собою, ухаживала вся эта литературная компанія. Другой мой пріятель былъ угрюмъ и одинокъ. Угрюмость заставляла его сторониться отъ свѣта, а одиночество—много работать для собственнаго развитія. Я разумѣю профессора Гамбарова. Это—одинъ изъ нашихъ образованнѣйшихъ юристовъ, очень строгій къ себѣ и другимъ, и потому все еще

поправляющій корректуры своего трактата о гражданскомъ правѣ, трактата, который потребуетъ по крайней мѣрѣ, трехъ томовъ — такъ много въ немъ накоплено сравнительнаго матеріала и такъ глубоко понимаетъ этотъ цивилистъ трактующе имъ вопросы, связывая ихъ съ эволюціей гражданственности.

Быть-можетъ, самой отрадной стороною моей московской жизни было отсутствіе всякой серьезной розни и съ моими товарищами по преподаванію или литературной дѣятельности, и съ моими слушателями. Мимолетныя тренія вызывались, разумѣется, университетскими диспутами, факультетскими и совѣтскими засѣданіями, но они не оставляли слѣда и не портили отношеній. Когда рѣчь шла объ охранѣ интересовъ университета, мои товарищи постоянно поддерживали меня, но, разумѣется, ни одному изъ нихъ не приходило въ голову проводить меня на факультетскія или совѣтскія должности. Всѣ знали и мою матеріальную обеспеченность, и отсутствіе во мнѣ какого-либо честолюбія, и мое желаніе имѣть побольше свободнаго времени какъ для занятій, такъ и для удовольствій. Административныя способности мы, точно сговорившись, признавали за людьми, или никогда не занимавшимися наукой, или переставшими заниматься ею. Только этимъ и объясняется неизмѣнное присутствіе во главѣ юридическаго факультета врача Легонина, который за все время своего деканства изъ уваженія къ наукѣ только разъ проявилъ себя актовой рѣчью объ афазіи. Этотъ въ общемъ добрый и разумный чело-вѣкъ велъ весьма умѣло наши засѣданія, охотно поддерживалъ передъ начальствомъ оставляемыхъ нами при каѳедрѣ молодыхъ людей, отстаивалъ интересы факультета предъ совѣтомъ и никогда не запуская дѣлъ, въ то же время не требуя отъ насъ особаго напряженія и созывая факультетъ не чаще, чѣмъ слѣдовало. Тѣми же соображеніями мы руководствовались и при выборѣ въ секретари факультета Н. П. Боголѣпова. Онъ не поражалъ никого ни умомъ, ни талантами. Его диссертациі не выходили изъ числа заурядныхъ, а въ ихъ онъ ничего не писалъ, кромѣ учебниковъ. Читая на первомъ курсѣ, онъ, разумѣется, имѣлъ большую аудиторію. Отношеніе его къ товарищамъ и студентамъ было корректное. Мысли онъ высказывалъ всегда благо-разумныя и либеральныя. Знали, что онъ нуждается въ средствахъ и для этого состоитъ инспекторомъ въ какомъ-то женскомъ институтѣ. Чтобы увеличить его доходъ, молодые профессора въ факультетѣ сговорились между собою и провели его весьма единодушно въ секретари. Такъ какъ за все время его секретарства онъ никого не обидѣлъ, то при выборѣ новаго ректора

на немъ сошлись, какъ на кандидатъ факультета. Рѣшено было одновременно поддерживать кандидатовъ и отъ другихъ факультетовъ, между прочимъ Склифасовскаго, предложеннаго медиками, подъ условіемъ, разумѣется, взаимности. Но среди нихъ оказалось меньше единодушія и Склифасовскій получилъ, поэтому, недостаточное число голосовъ. Боголѣповъ одно время не хотѣлъ даже занять должности ректора, ссылаясь на то, что избравшіе его неполнѣ согласны съ его убѣжденіями. Мы вмѣстѣ возвращались съ выборовъ, и мнѣ пришлось доказывать ему, что о расхожденіи съ нами во взглядахъ мы слышимъ впервые. Въ первые годы его ректорства Боголѣповъ оставался прежнимъ добрымъ товарищемъ, не выступалъ съ протестами противъ нашей якобы либеральной агитаціи и только хлопоталъ объ одномъ, чтобы наши заявленія не попадали въ протоколъ. При случаѣ онъ умѣлъ даже выгораживать кое-кого изъ товарищей. Когда министру Делянову не понравились лекціи Ключевскаго и онъ задумалъ предложить переходъ ему въ Казань, Боголѣповъ сразу остановилъ эти намѣренія министра, убѣдивъ его, что Троицко-Сергіевская академія не отпуститъ Ключевскаго, такъ какъ имъ очень дорожатъ въ духовныхъ сферахъ. Ни на кого другого, какъ на меня, было возложено передать заинтересованному лицу содержаніе этого разговора, при чемъ мнѣ сказали, разумѣется, что это надо сдѣлать келейно и частнымъ образомъ. Боголѣповъ развернулся уже послѣ моего ухода изъ университета. Во все же время переговоровъ о моей отставкѣ онъ держался нейтральнаго положенія. Отпошенія съ нимъ были настолько товарищескія, что я шутя звалъ его на лекціи слѣдить за тѣмъ, достаточно ли онѣ благонамѣренны. Онъ, разумѣется, отшучивался. Когда меня удалили, я получилъ отъ многихъ товарищей коллективное посланіе съ выраженіемъ ихъ соболѣзнованія. На немъ не было подписи ректора, но два дня спустя пришло письмо съ выраженіемъ полнаго сочувствія и съ прибавкой, что къ коллективнымъ заявленіямъ Боголѣповъ не считалъ возможнымъ присоединиться. Я на это отвѣтилъ ему отповѣдью. Послѣ этого мы съ нимъ не встрѣчались.

Разъ я заговорилъ о начальствѣ, упомяну вскользь и о тѣхъ отношеніяхъ, какія въ то время существовали между профессорами университета и попечителемъ. Я попалъ въ число преподавателей еще при дѣйствіи устава 1863-го года. Попечителя кня. Мещерскаго, я, поэтому, не видѣлъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выразилъ желанія присутствовать на одной изъ моихъ лекцій. Въ этотъ годъ предметомъ моихъ чтеній была сравнительная исторія семейнаго

права. Онъ съ удивленіемъ отмѣтилъ присутствіе въ аудиторіи очень большого числа слушателей и болѣе ко мнѣ не приходилъ. Съ введеніемъ новаго устава мы получили и новаго попечителя, графа Капниста. О немъ писано за послѣднее время немало въ разныхъ мемуарахъ изъ того времени, и, кажется, не все писанное клонится къ его чести. Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ графомъ по случаю моей отставки, и я долженъ сказать, что переговоры, какіе мнѣ выпало въ удѣлъ вести съ нимъ, возлагаютъ на меня обязанность сказать, что это былъ вѣжливый сановникъ и къ тому же проникнутый чувствомъ законности. Когда затребовали изъ Петербурга мои лекціи, я не увидѣлъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы передать въ руки попечителя тотъ конспектъ, какимъ я пользовался при чтеніи ихъ, настаивая, разумеется, на скорѣйшемъ его возвращеніи. Конспектъ препровожденъ былъ въ столицу и мѣсяца черезъ два вернулся ко мнѣ. По требованію министра, я нѣсколько разъ вызывался попечителемъ для выслушанія замѣчаній и предостереженій. Каждый разъ графъ держался какъ человекъ, вполне оцѣнившій совѣтъ Талейрана: не обнаруживать чрезмѣрнаго рвенія. Онъ выслушивалъ объясненія и обѣщалъ передать ихъ высшему начальству. Однажды онъ поразилъ меня заявленіемъ, въ которое вкрались слова: „я предвижу скорый конецъ гнусной травлѣ, на васъ направленной“. Мнѣ оставалось только отвѣтить, что такой исходъ, вѣроятно, въ значительной степени будетъ вызванъ его поведеніемъ. Много лѣтъ спустя, когда я устроился уже на долгіе годы во Франціи, мнѣ переданъ былъ его поклонъ. Я поспѣшилъ увѣдомить его, не помню уже, письменно или чрезъ посредника, что храню о немъ добрую память. Какъ я слышалъ впослѣдствіи, графъ Капнистъ выразилъ по этому случаю удовольствіе, говоря, что его дѣйствительныя намѣренія были поняты мпою правильно. И теперь, обсуждая все его поведеніе, я могу только высказать увѣренность, что онъ скорѣе желалъ выгородить меня отъ ложныхъ обвиненій, чѣмъ обнаружить на мой счетъ всегда выгодное въ глазахъ высшаго начальства чиновное рвеніе.

Я сказалъ уже, что отношенія мои со студентами всегда были отличными. Они охотно посѣщали мои лекціи, писали работы, принимали участіе въ ихъ обсужденіи на семинаріяхъ и очень охотно оставались при моей каѳедрѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Но смерть безжалостно косила многихъ изъ оставленныхъ мною. Не стало Калачова, брата теперешняго члена Государственнаго Совѣта; не стало Харузина, кандидатская диссертация котораго объ обычномъ правѣ донскихъ каза-

ковъ была напечатана толстымъ томомъ и служить теперь настольной книгой для всякаго, кто желаетъ познакомиться съ особенностями быта этой обширной области нашего отечества. Послѣ моей отставки измѣнены были требованія, предъявленные ранѣе къ лицамъ, желавшимъ подвергнуться магистерскому экзамену. Это заставило двухъ изъ нихъ посвятить себя иной карьерѣ: одинъ нынѣ засѣдаетъ въ Государственной Думѣ, другой служитъ судьей въ Москвѣ. Не всѣ изъ оставленныхъ мною по кафедрѣ не довели до конца своихъ намѣреній. Они посвятили себя только другимъ родственнымъ специальностямъ. Профессоръ Дерюжинскій, на кафедрѣ административнаго права въ петербургскомъ университетѣ, заявляетъ о своемъ прежнемъ занятіи правомъ государственнымъ работами, затрогивающими основные вопросы конституціонной жизни Англіи. Нечаевъ, занимая постъ юрисконсульта при министерствѣ юстиціи, читаетъ въ то же время лекціи по сравнительной исторіи права... Егіазаровъ преподаетъ государственное право въ Кіевѣ.

При всемъ вниманіи, какое студенты московскаго университета оказывали моимъ лекціямъ, я не всегда выносилъ съ экзамена убѣжденіе, что трудъ, мною затрачиваемый, не пропадаетъ даромъ, по крайней мѣрѣ, для большинства. Исторія политическихъ учрежденій, которая все чаще и чаще служила предметомъ моихъ чтеній, не можетъ быть хорошо усваиваема людьми, не имѣющими достаточной исторической подготовки, а эта подготовка съ каждымъ годомъ становилась все болѣе и болѣе скудною. Мы повели однажды открыто рѣчь объ этомъ въ совѣтѣ. Одни жаловались на то, что студентамъ съизнова приходится читать всѣ естественныя науки, другіе—что подготовка ихъ по физикѣ и химіи совершенно недостаточна. Къ нашимъ сѣтіямъ присоединился и Герье; онъ заявилъ, что поступающимъ въ университеты не хватаетъ знакомства съ латынью. Чтò же, спрашивается, даетъ средняя школа? Я не могу сказать, чтобы на этотъ вопросъ мнѣ легко было дать опредѣленный отвѣтъ и теперь, когда на разстояніи восемнадцати лѣтъ я снова возобновилъ мою преподавательскую дѣятельность. Сравнивая тогдашнее отношеніе студенчества къ профессорамъ съ теперешнимъ, я долженъ сказать, что прежде оно было довѣрчивѣе и сердечнѣе. Мысль о томъ, что профессоровъ можно причислить къ предпринимателямъ и устроить забастовку въ посѣщеніи ихъ лекцій, въ это время никому еще не приходила въ голову. Политическія условія были нѣсколько иныя. Хотя такъ называемая университетская газета—т. е. „Московскія Вѣдомости“, издаваемая Катковымъ,—и запи-

малась неизмѣнно обличеніемъ непріятныхъ редакціи профессоръ, а подчасъ и походомъ противъ студенчества, но этотъ органъ, даромъ намъ разсылаемый, не былъ распространенъ въ студенческой средѣ. Провокація не производила, благодаря этому, того дѣйствія, на которое она была рассчитана. Нужны были такія безтактныя выступленія, какъ защита реакціонной печатью той кулачной расправы со студентами, какую позволили себѣ московскіе охотнорядцы, чтобы вызвать серьезное волненіе среди молодежи. И тутъ намъ, пользовавшимся ея довѣріемъ молодымъ преподавателямъ, приходилось выступать съ обычнымъ совѣтомъ сохранять чувство мѣры, какъ неоцѣненное качество, свойственное англичанамъ и немало содѣйствовавшее успѣшному отстаиванію ими своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Сказать, что эти совѣты всегда принимались съ благодарностью—было бы преувеличеніемъ; но недовольство тѣмъ, что студенты считали чрезмѣрной выносливостью, проходило скоро, и добрыя отношенія восстанавливались. Я вынесъ изъ своего продолжительнаго общенія со студентами то впечатлѣніе, что они цѣнятъ въ профессорѣ трудъ, затрачиваемый имъ при исполненіи своихъ обязанностей, что ихъ не задѣваетъ развитіе взглядовъ, идущихъ вразрѣзъ съ ихъ собственными, если только лекторъ считаетъ нужнымъ обосновывать свои утвержденія тѣми или другими фактами и соображеніями, что они цѣнятъ простоту и товарищеское отношеніе. Все, что можетъ сблизить профессора со студентами, должно было бы входить въ программу такъ называемой университетской политики. Отсюда тотъ выводъ, что приравнивать студентовъ только къ слушателямъ—значить не только устранять возможность всякаго воспитательнаго на нихъ вліянія профессоровъ, но и порождать въ нихъ желаніе порѣже показываться въ университетѣ; вѣдь удобнѣе лежать въ постели и читать печатные конспекты. Во время моего преподаванія въ Москвѣ, такихъ конспектовъ не было: студенты составляли лекціи и литографировали курсы. Экзаменъ производился изъ прочитаннаго, а чужія сочиненія рекомендовались только для восполненія курса. Теперь же пошли иные порядки. Студенты, при обязательномъ посѣщеніи лекцій, не могли бы найти мѣста въ аудиторіи; профессора, издавши учебники или порекомендовавъ чужія руководства, не требуютъ отъ студентовъ знанія своихъ лекцій. Студенты же посѣщаютъ ихъ, смотря по времени года, нерѣдко черезъ одну, такъ какъ въ Петербургѣ встаютъ поздно и пріятно пропустить утренніе часы. Одинъ изъ моихъ товарищей не даромъ

уподобилъ чтеніе лекцій драматическимъ представленіямъ, а такъ какъ большинство профессоровъ—плохіе актеры, то публики собирается мало.

Чувствую, что начинаю брюзжать по-стариковски, а потому спѣшу прервать мой и безъ того затянувшійся рассказъ.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКИЙ.

